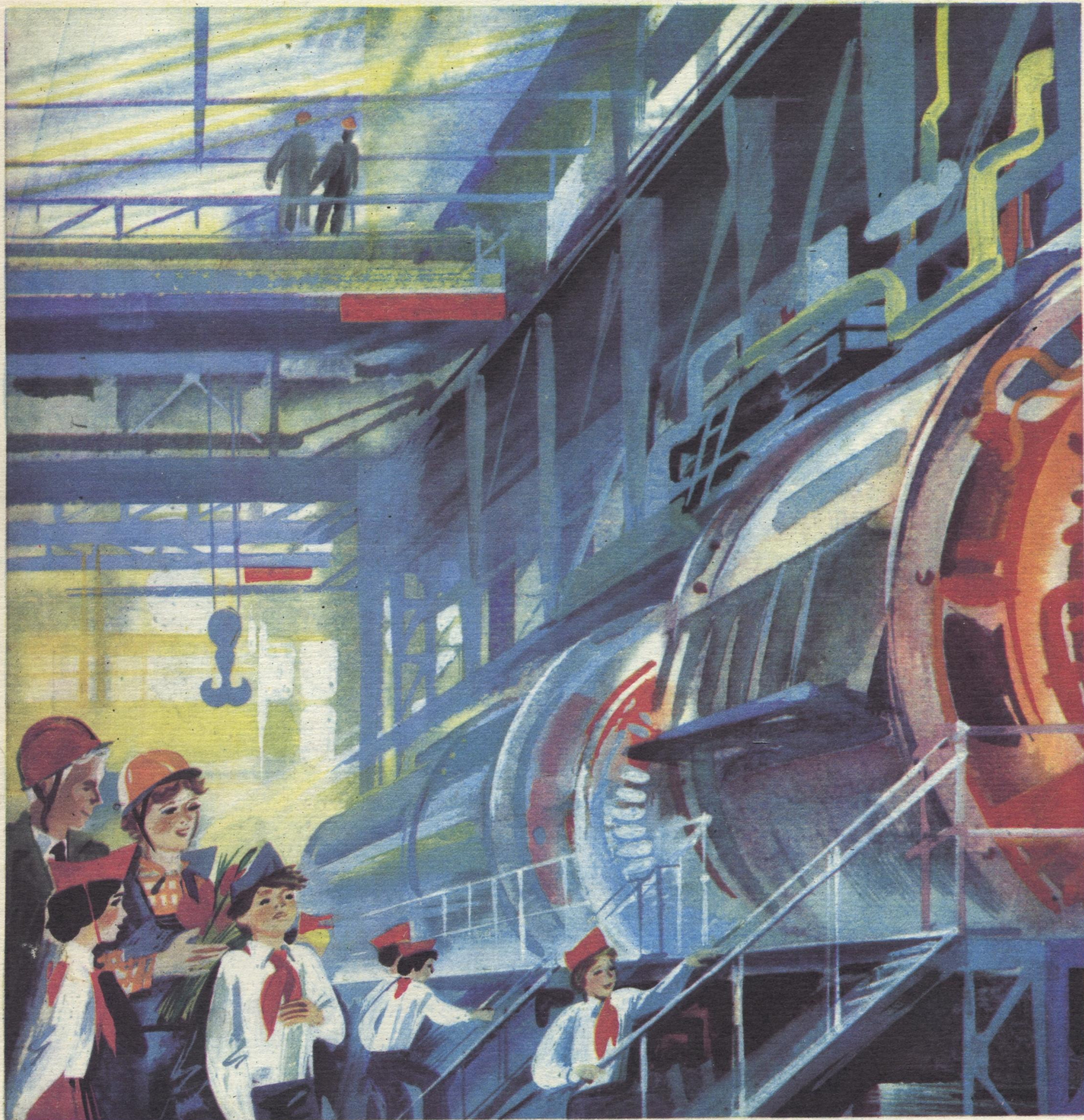


КОСТЁР

ISSN 0130-2574

11

НОЯБРЬ 1983



КОСТЁР

11
НОЯБРЬ
1983

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

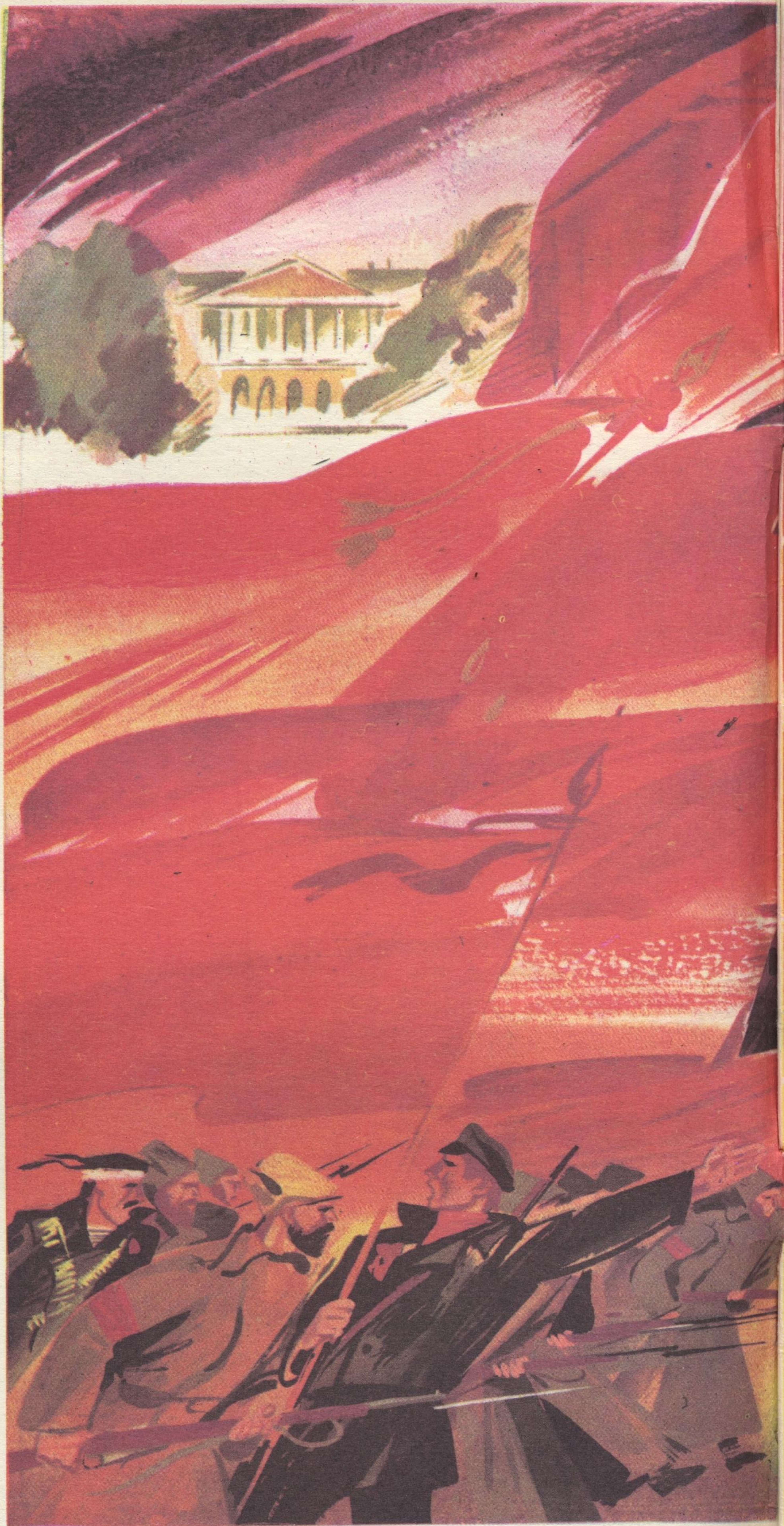
Издается с 1936 года

© «Костер», 1983 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Бесстрашный комиссар рассказы о Л. М. Рейснер А. Алексеевой	4
Слово правофланговым очерк Е. Матвеевой	9
Барaban	12
Комсомол на марше пятилетки фотоокно	16
Сад Мичурина Д. Верещагин	17
Имени Ленина очерк Ю. Парамонова	22
Старший брат рассказ В. Одноралова	24
Стихи М. Вейцмана	29
Пионерский долг В. Рыбин	30
Рифма к слову «отличница» рассказ И. Линчевского	33
Скатерть с алыми петухами очерк Н. Сергеевой	36
Морская газета	38
Рассказы А. Лисняка	40
Веселый звонок	41
Школа будущих командиров	42
Зеленые страницы	44
Стихи твоих ровесников	46
АРЧЕБЕК	47

На обложке
рисунок А. Ежелина





Николай АСЕЕВ

Октября
 кровавые знамена,
пулями
 прошитые насквозь,
разве вспомнишь
 всех вас
 поименно,
отстоявших
 зори над Москвой?!
Разве перечтешь вас,
 легших в славе,
разве соберешь
 в одном лице,
танками
 растоптанные навек,
взятые
 мортирой на прицел?!
Расстилаясь
 к северу и к югу,
в хмурый вечер,
 в смерзшуюся рань,
прорывала
 смерть,
 и мрак,
 и выюгу —
сердца человеческого ткань.
Пели пули,
 били пулеметы,
ветер
 упирал ладони в грудь,
век,
 казалось,
 от тупой ломоты
взгляду
 и костям
 не отдохнуть.
Дни и вещи
 плыли и кружились,
всё неслоь вокруг,
 как мрак и бред,
но,
 растягивая сухожилья,
вы сдержали
 мир на Октябре!

(Из стихотворения «Новая кремлевская стена», 1924)



МИР—

Конечно, она обыкновенная школьница, Саманта Смит, но школьница с другого континента. На ее родине простых американцев стараются убедить, что существует советская военная угроза. Это очень важно — приехать и во всем убедиться собственными глазами.

...Девочка в скорбном молчании проходит по Пискаревскому кладбищу. А в музее она видит страницы дневника Тани Савичевой, ее предсмертные строки: «Умерли все...» Да, американская школьница Саманта Смит уже знает: не было в Ленинграде в те годы ни одной семьи, где бы никто не погиб...

...Мемориальный музей В. И. Ленина в Смольном. Именно здесь, в Смольном, был подписан Лениным Декрет о мире — один из первых и главных декретов Советского государства...

...Маленькую гостью из Америки радушно принимали моряки «Авроры», легендарного крейсера революции, члены городского клуба интернациональной дружбы «Октябрь».

Всюду, где бы ни побывала в эти дни Саманта, ее встречали улыбки друзей, подлинное тепло и радушие. В Ленинград Саманта Смит приехала из солнечной пионерской республики «Артек». А перед этим была Москва...

В «Артеке» Саманта подружилась с ленинградской школьницей Наташей Кашириной. Наташа успела немного рассказать ей о нашем городе. И вот она уже едет по его улицам и проспектам, площадям



ВСЕМ!

и набережным. В Доме дружбы и мира с народами зарубежных стран ее ждали ленинградские пионеры. Девочке вручили букет ромашек и повели по залам и гостиным этого чудесного старинного особняка. Она шла, поминутно оглядываясь, всматриваясь в интерьеры, любуясь лепкой. Десятиклассница 1-й школы Московского района Катя Филиппова вела экскурсию на английском языке.

А потом ребята пригласили гостью к столу в Красную гостиную, на традиционный русский чай. Это был очень веселый и вкусный стол, за которым хорошо разговаривалось.

— Что ты любишь делать больше всего?

— Играть в лапту и купаться.

— Какие отметки у тебя в школе?

— Обыкновенные.

— Какой предмет — любимый?

— Английское правописание.

— Кто твой любимый писатель?

— Корней Чуковский.

— А какие русские слова ты уже знаешь?

— Спасибо. Мир. Дружба.

— Что ты думаешь о Ленинграде?

— Очень, очень красивый город. И добрый. Здесь живут люди, которые никому не хотят причинить зла.

Кто-то из ребят предложил спеть «Пусть всегда будет солнце!». Припев Саманта пела на русском языке...

Т. СКОБЛИКОВА
Фото О. Миронца





А. АЛЕКСЕЕВА

БЕССТРАШНЫЙ КОМИССАР



Лариса Михайловна Рейснер — одна из тех, кого мы называем героями гражданской войны. Петербургская гимназистка, профессорская дочь, она с первых дней Великой Октябрьской революции стала ее активным бойцом. Летом 1918 года коммунист Лариса Рейснер политработник Красной Армии на Восточном фронте — самом тяжелом из фронтов республики Советов. Она — комиссар на одном из кораблей Волжской военной флотилии. Волжская военная флотилия участвовала в разгроме белогвардейцев на Волге и Каме, освобождала Кавказ.

«Костер» печатает несколько рассказов о жизни Ларисы Рейснер.

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Совсем недавно Казань была в руках красных. Белые знали, что в Казани находится чуть ли не все золото молодой Советской республики и потому бросили туда мощные силы. Штабу Красной Армии пришлось отдать срочный приказ: отступать.

...Грохочут взрывы. Орудийное эхо тяжело покатилося по полям, по лугам, по лесным дорогам. Мало орудийных раскатов — с неба еще ударил гром. Хлынул дождь. Хмуро глядя под ноги, уходят беженцы в сторону Свияжска. Среди них и Лариса Рейснер.

Вот и Свияжск. Здесь, в десяти километрах от Казани, — штаб красных. Лариса подходит к штабному столу.

— Вот. Документы, печать, шифр. Распишитесь в получении. — Лариса внимательно вглядывается в лица. Все ли здесь?

— Нет, не все.

— Значит, надо идти.

— Куда?

— В Казань. Искать наших, может быть, они попали в плен.

— Передохните хоть.

— Надо спешить. Скажите пароль...

Снова дождь. Снова дорога. Вот и небо, словно сжалившись над путниками, робко засветилось, и дождь перестал.

Лариса огляделась вокруг. Было тихо — капли дождя на кончиках веток тонко звенели, напоминали дачные дни детства. Лариса думала, как напишет потом о сегодняшнем дне. Она давно уже писала не стихи, а боевые репортажи, очерки, рассказы. И эту дорогу потом описала так: «Гражданская война господствует на больших дорогах. Стоит свернуть на проселок, тропинку, бегущую по теплым межам, душистым межам, — и опять мир, осень, прозрачная тишина последних летних дней... Лес ополаскивает усталость, как большое черное озеро — измученные ходьбой ноги».

И вдруг — из чащи леса послышался резкий голос:

— Стой! Кто идет? Парол!

«Парол» без мягкого знака? — пронеслось у нее в голове. Что же это за акцент? Похоже на латышский. А если нет? Если это белые? Тогда — конец. Но здесь должны быть красные латышские стрелки!

И решила:

— «Ветер шумит над бором». — Таков был пароль красных.

— «Вьетер, вьетер, вьетер», — раздалось в ответ.

«Точно, значит! Латышская часть». Ах, как хорошо, что Рейснеры когда-то жили в Риге! Пригодилось знание латышского языка.

— Лайме, драге, — осторожно пропела Лариса.

— Эс теа миа, — удивленно произнес командир и протянул ей руку. — Пойдем к нам. Есть будем, чай пить будем.

Прощаясь, подвел Ларисе своего коня.

— Не можно далек пеши итти. Надо ехай! Вот тебе конь. Конь злой. А скоро ходить.

— Как зовут?

— Красавчик.

— Красавчик? Славно! — И Лариса прижалась щекой к морде коня. Тот с испугом покосил большим красным глазом.

Лариса вскочила в седло, натянула поводья, и конь повернул голову, большую коричневой масти гладкую голову. Опять стал виден красный глаз, налитый кровью, и вспомнились петербургские улицы, любимый учитель и красный конь на картине художника Петрова-Водкина.

Лариса что есть силы пришпорила коня, и он понесся рысью по мягкой сентябрьской земле. Впереди была видна Казань.

СЧАСТЬЕ

Город еще недавно гордо алел флагами. А теперь! «Какие скуластые, кривобокие дома, — отмечала про себя Лариса, — раньше они казались другими... Надо идти на Грузинскую, в штаб. Там все списки. Узнать силы белых, вывести, кто арестован!» — И она поглубже прячет лопоту хлеба, в котором лежит обратный пропуск.

— ...Вам кого, гражданочка? — спрашивают ее в штабе.

— Я разыскиваю своего мужа, — говорит она голосом просительницы. — Он белый офицер.

— Фамилия?

Дежурный смотрит списки пропавших: такого нет!

— Извините! — и она робко уходит. А сама зорко оглядывается по сторонам: кто тут? нет ли своих?

Так проходит один день, второй, третий... Она уже установила тайную связь с арестованными — с теми, кто в подвале полицейского участка. Обдумывает, как им помочь.

Однако и ее лицо оказалось знакомо кое-кому в штабе белых. Когда в очередной раз направилась туда, ей преградил дорогу полицейский пристав.

— Куда путь держите? — спросил он с любезной улыбкой.

— В штаб, — насторожилась Лариса.

— Не извольте беспокоиться пешком итти. Садитесь, я вас отвезу...

— Да какое беспокойство, спасибо, доеду сама.

— Ну уж нет, позвольте поухаживать за дамой.

Пристав живет в том же доме, что и она. Ясно: сопротивляться бесполезно. Пришлось сесть в коляску. Приехали в штаб, вошли в приемную. Сколько людей! Лариса взглянула — и сердце вздрогнуло: знакомые матросы! Сильные, загорелые шеи, насмешливый блеск глаз, ленточки





на бескозырках: «Андрей», «Севастополь». Так назывались их корабли. Матросы незаметно подмигивают ей. Весело подмигивают, хотя, судя по связанным рукам и сухому блеску глаз, участь их нелегка. Сердце Ларисы забилося так громко, что, кажется, вот-вот часовой услышит.

Ларису ввели в кабинет. За столом сидит белогвардейский поручик. Лысая голова, пухлые белые щеки. Беспощадные глаза... Известный негодяй, подписавший десятки смертных приговоров рабочим, матросам, красным командирам. Лариса с трудом изображает улыбку.

— Итак, как ваша фамилия? — спрашивает он.

— Белкина, — отвечает Лариса, не моргнув глазом.

— А если честно?

Молчание. Насмешливое молчание.

— Возраст?.. Кем работаете?.. Чем занимаетесь при красных?..

И снова:

— Фамилия?..

Идет долгий, нудный допрос. Поручик с брезгливым выражением лица по десять раз задает одни и те же вопросы. Лариса внятно и терпеливо отвечает. Кто кого? Ей приходит на ум, что его белая лысая голова похожа на сваренное вкрутую яйцо.

И вдруг поручик взрывается.

— Молчать! Все это вранье! Когда ты будешь говорить правду?.. Где Федор?..

— Какой Федор? — она невинно округляет глаза. — А кто он, этот ваш Федор?

— Один крупный прохвост.

— Могу ли я знать всех прохвостов, господин поручик? — При этом Лариса думает: «Значит, у них Федора нет».

— Всех не всех, а одного придется вспомнить! — закричал поручик и вскочил из-за стола. Щелкнув по сапогу нагайкой, крикнул тонким голосом:

— Следователя! — Он рванул ее платье и размашисто ударил по лицу.

Лариса нашла в себе силы улыбнуться, но улыбка получилась жалкой. А поручик выбежал из комнаты.

Так она осталась один на один с часовым. Лариса быстро огляделась. В комнате три двери. Направо та, через которую вышел поручик. Слева у двери — часовой. Как только поручик вышел, часовой высунулся за дверь прикурить. А вот и третья дверь, обитая войлоком. «Куда она ведет? — лихорадочно прикидывала Лариса. — Заколочена или нет?»

Лариса подбежала к этой двери и рванула ее на себя. Силы ее словно удесятились! Дверь открылась! Благодаря войлоку она захлопнулась без стука — и вот уже лестница. Это черный ход. Здесь никого нет. Скорее, скорее.

Вот — счастье! Извозчик дремлет на козлах. Лариса, не раздумывая, вскочила в пролетку.

— Куда ехать?

— Гони, голубчик, скорее! — охрипшим вдруг голосом прошептала Лариса.

Извозчик обернулся, увидел ее разорванное платье, кровоподтек под глазом и, встав во весь рост, натянул что есть силы вожжи, хлестнул лошадь! Помчались, громяхая по пыльным улицам.

Скорее!

Скорее!

Скорее!

Наконец остановились. Извозчик подтолкнул:

— Иди, не бойся, это мой дом.

Навстречу вышла жена.

— Переодень и спрячь ее, Авдотья!

Лариса упала ей на грудь и разревелась, как в детстве.

— Ну что ты? — говорила Авдотья и гладила Ларису своей широкой рукой. — У меня у самой сын в Красной Армии. Да разве не поможет мой мужик?..

...А через два часа, имея при себе фунт хлеба и три рубля денег, в платке с розанами, какие носят здешние купчихи, Лариса выходила на казанскую заставу.

Занятый досмотром проезжавшего воза, пер-

вый дозорный пропустил ее, приняв за дачницу. Когда появился вдали второй пост, Лариса свернула с дороги и стала пробираться лесочком. А впереди — не более, как в двух верстах, — были свои. Она нащупала кусок хлеба со спрятанным в нем пропуском, и глаза ее блеснули радостно, весело.

Ура! Впереди целая жизнь! Это ли не счастье?

ГЛАВНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ — ДУША!

...Три всадника влетели на увал и остановились под соснами. Сквозь зеленые колючки — синее небо. Между золотистыми стволами видна низина, и в ней деревня. Серые крыши, серебристые оттого, что вымыты дождями и выгорели на солнце.

Командир разведки — Лариса Рейснер. Она комиссар на катере. Чтобы катер был в безопасности, нужны сведения о противнике. Вот почему она ходит в разведку.

Комиссар подает знак одному из разведчиков: надо узнать, что делается в этой деревне. Кто там — белые или красные? И кто из местных: чуваша, русские, татары, марийцы? Места здесь темные, деревни «без глаз». И понимают ли порусски? А может быть, там просто бандиты, пользуясь неразберихой, захватили власть?

Скоро разведчик вернулся из деревни.

— Ну? — нетерпеливо спрашивает комиссар.

— В селе орудует банда.

— Несознательная стихийная масса, — уточняет она.

— На одной избе лозунг: «Смерть комиссарам!»

— «Смерть комиссарам»? — тихо переспросила. — Ну, мы им покажем. Вы оставайтесь, а я иду. Надо узнать точно: сколько их? чем вооружены?

— Одна, комиссар?

— Одна!

Она сняла командирскую кожаную куртку.

На белой кофточке завязала узкий бантик — такие носили учительницы. Револьвер засунула глубоко в карман.

— Ждите. Позову на помощь — выстрел в воздух...

В центре села, возле двухэтажного дома, собиралось человек двадцать. Кто в шубе, кто в халате, кто в цилиндре... В руках — подсвечники, самовары, картины, скатерти с завернутым в них добром. Анархисты. Продают награбленное...

Лариса с первого взгляда заметила: не все здесь таковы, анархистов — меньшинство. Женщины недобро смотрят на пришельцев, местные мужики — тоже. Заинтересовал ее мальчишка лет пятнадцати, который разглядывает картину в руках у толстого краснолицего бандита.

— Покажь, дяденька, картину-то, больно баская!

— Отстань, худая жисть! Я на ней обедать буду! Как барин!

— Да вы что, дяденька! Это ж такая красота!

— Я тебе дам — красота!

Лариса подошла ближе. Толпа расступилась.



— Кто такая? Что за краля? Докладай!

— Учительница, — строго ответила она.

— Ой, учительница! — обрадовался паренек. И взмолился: — Ну скажите вы ему, — он показал на краснолицего и картину в его руках, — такую красоту нельзя рушить!

Что делать? Как поступить? Картина была действительно стоящая. Но говорить сейчас надо не о ней. Надо поразить толпу, захватить! Но чем?

Взгляд упал на подсвечник, Лариса подняла его с земли. Зажгла свечу. Обвела всех глазами. И спросила:

— Кто может... руку держать над огнем?

— Слабо, красулька! — высунулся вперед курносый мужик.

— А тебе не слабо?

— А мне ничего не слабо. — Он засмеялся противным тонким смехом и поднял над головой винтовку. — Видела?

— Это-то ты можешь. Это легко. А вот руку над огнем? — и она поднесла свою ладонь к огню.

Мужик хмыкнул. Мальчик посмотрел на нее восхищенно. Кто-то с уважением покачал головой.

Она поднесла свечу к руке курного. Тот с руганью отдернул руку.

— Что, тонка человеческая кожа? — спросила Лариса. — А что под этой кожей?

— Мясо! — загоготали в толпе.

— Это ты думаешь, что мясо, — усмехнулась Лариса. — Но есть кое-что посильнее. Под нашей кожей.

— Это чо тако?

— Что?.. Была когда-то женщина во Франции, звали ее Жанна д'Арк. Она боролась за свободу своего народа. Ее пугали тем, что сожгут на костре. Но она все равно боролась. Ее душа была сильнее, чем боль тела. Она не боялась огня! Вот что главное в человеке — душа!

— Да ты кто такая? Чо ты нас учишь? — раздался голоса.

— Мы сами трудовые и за свободу воюем!

— Небось, из бывших, культурная?

— А мы таких культурненьких-то знаешь куда? К стенке!

Настроение толпы — как сухое сено. Поднеси спичку и вспыхнет. Или как весы. Весы должны перетянуть в ее сторону. Она завладела вниманием людей, теперь надо удержать это внимание. Эти люди должны быть на стороне советской власти твердо, на то она и комиссар!

— Товарищи! Знаете, в каких знаменитых исторических местах мы находимся? — воскликнула Лариса. — Здесь ходил на своих кораблях Степан Разин. Здесь был Емельян Пугачев...

Незаметно от истории она перешла к тому, что происходит сейчас в Казани. Там засели белогвардейцы, там опять появились буржуи, банкиры, полицейские! Выгнать их оттуда — разве это не долг всех, кто за свободу?

— Мы заберем у буржуев, у помещиков все их имущество и разделим его между бедными. Вы посмотрите, какая прекрасная картина! Ведь она из помещичьего дома!

— Ясно! — пробурчал кто-то.

— Мы создадим музей, где будут висеть вот такие картины. А рабочие и крестьяне будут изучать по ним искусство! — И вдруг, как будто без всякого перехода. — Кто хочет добровольцем идти на город?

— Я хочу! — бросился вперед мальчишка.

— А тебе, — обратилась она к парнишке, — я даю задание: сохранить эту картину. И когда мы возьмем Казань, ты принесешь ее в штаб Красной Армии.

— Так она из штаба, выходит? — угрожающе протянул курносый. — Небось, комиссарит там? Анархисты загудели.

— Да! — с вызовом ответила Лариса. Она вытащила револьвер и выстрелила в воздух.

Тут все увидели, что из-за угора, из-за сосен к ним приближаются всадники. Краснозвездные всадники...

РУКУ, ТОВАРИЦ!

Корабли Волжской флотилии шли вниз по Волге, а потом вверх по Каме. Чистополь, Елабуга... Теперь эти места известны многим, потому что здесь построен Камский автомобильный завод. А тогда, осенью 1918 года, корабли медлен-

но продвигались мимо редких сел и деревень. Над тихими лесами, над желтой камской водой неслись клики гусей, лебедей и уток. Малолюдны были берега уральской реки Камы.

Фронт между белыми и красными в годы гражданской войны был подвижным. Сегодня тут белогвардейцы, а завтра — красные. На левом берегу Камы — белые, их охраняют корабли опытного царского адмирала, хитрого и осмотрительного Старка. А на правом берегу уже промчался на своем боевом коне красный командир, легендарный Азин. У красных город Сарапул. Но вокруг — белые и, значит, надо поддержать Азина. Откуда? Конечно, с реки.

Вот куда направляются корабли Волжской флотилии. В Сарапул. Они гонят впереди себя адмирала Старка и уже загоняют его флотилию в приток Камы — реку Белую. У входа в Белую оставляют свои канонерки. А сами, не останавливаясь, идут дальше. Главное — быстрота.

...Черная беззвездная ночь. Осенью ночи ранние, длинные. Тихо подрагивает стальная обшивка кораблей. Кочегары загружают топку так, чтобы не сыпались искры из труб. На кораблях запрещено даже курить. Белые не должны увидеть их с берега.

Лариса Рейснер стоит на корме. Она пристально вглядывается в едва угадываемые линии берегов. Старый лоцман, что ведет судно, волнуется. Он стар и суеверен, с длинной бородой. Он что-то шепчет про себя. Надо в полной темноте провести суда по этой коварной реке так, чтобы не сесть на мель. Остановка — и белые тут же обстреляют: их береговая артиллерия стоит где-нибудь на высотке и орудия, небось, уже нацелены. Лоцман перекрестился — значит, миновали опасное место. Моряки тихонько засмеялись.

Светает. Уже виден Сарапул. На набережной толпятся люди.

Корабли пристают к берегу.

Женщины окружают Ларису Рейснер.

— Откуда ты-то взялась? Что делаешь на военном корабле?..

— Так вы победили белых?

— И победили и загнали.

— Куда загнали?

— В Белую реку.

— Да ну, не врешь?

Черненькая с раскосыми глазами гражданочка отчаянно плачет.

— Увезли на барже... Расстреляют... И никто не знает где!..

— Куда увезли? Кого?

— Да мужа! На Ижевском заводе работал, за большевиков был!

Оказалось, что белогвардейцы погрузили несколько сот рабочих на старую баржу, в трюм, и увезли в неизвестном направлении. У кого — мужа, у кого — сына, у кого — брата.

— Ох, нет моей моченьки! — причитает старушка. — Нет моей моченьки!

— Надо спасти их! Там пятьсот или шестьсот человек, — говорит Лариса командующему.

— Баржа — не иголка, — рассуждает он. —

Мы их не встретили, значит, они пошли вверх к Воткинску.

Разведка сообщила, что «баржа смерти» — так уже все называли баржу с арестованными, действительно находится недалеко от Воткинска, у села Гальяны, верстах в сорока от Сарапула.

Замысел командующего таков: спустить красный флаг, вахтенному надеть белогвардейскую форму, и от имени адмирала Старка увезти баржу у белых из-под носа. Дерзкий, рискованный замысел! Как-то получится на деле?

Вот и Гальяны. Большое, богатое, видать, село с белой церковью на взгорке. На колокольне, если присмотреться, увидишь пулемет. А напротив села, посередине реки — она! — баржа. Черная, старая баржа. Можно рассмотреть фигуры караульных в бараньих шапках. Не верится, что внутри, в страшной тесноте, мучаются несколько сот человек.

Миноносец «Прыткий» поравнялся с баржей... Вахтенный повторяет слова командующего:

— Его превосходительство адмирал Старк приказал нам взять баржу на буксир и отвезти ее в Уфу.

— А как же красные? Они в Сарапуле! — недоуменно спрашивает караульный.

— Сарапул сегодня утром занят нашими доблестными войсками! — следует бодрый ответ.

И баржу присоединяют к маленькому буксиру. Ларисе кажется: слишком медленно идет буксировка.

Наконец, все готово, можно отчаливать! Каково-то там, в этой плавучей тюрьме? Знают ли арестованные, что происходит? Догадываются ли?

А корабли между тем повернули назад, они все громче стучат своими железными поршнями, все быстрее набирают скорость. Дорога к дому всегда быстрее! Вот и Сарапул!

Открывают трюмы «баржи смерти». Жмурясь от яркого света, арестанты медленно выбираютсся наверх — оборванные, изможденные.

— Дай руку, товарищ!

«Товарищ» — какое доброе слово!

— То-ва-рищ! — шепотом повторяет ослабевший больной рабочий; слезы застилают ему глаза.

И вот уже все воскресшие из мертвых 450 человек заполняют набережную. Радость и горе, смех и слезы — все вперемежку. И крики «ура!». Командующего флотилией поднимают и несут на руках. Хотят нести и Ларису, но нет, не надо! Они идут вместе — спасители и спасенные. И вдруг кто-то запел. Песню подхватили сотни голосов.

Отречемся от старого мира,

Отряхнем его прах с наших ног!..

Песня звучит радостно, гордо, как рокот моря...

Рисунки А. Борисенко

СЛОВО ПРАВО- ФЛАНГОВЫМ

В Томске пионерская жизнь чувствуется даже на улицах.

Круто поднимается в гору проспект Ленина. На проспекте перед витриной стоят люди, они читают газету, выпущенную пресс-центром Дворца пионеров. Чуть дальше, возле сквера, доска Почета. Рядом с лучшими рабочими и учеными города портрет пионервожатой в красном галстуке.

А вот переулок, который называется Пионерский. Обычный переулок, ничего «пионерского» в нем нет. Точнее — не было раньше. Теперь он стал пионерским по-настоящему. Сюда пришли ребята из двенадцатой школы. Они стали помогать пожилым людям и собирать материал о тех, кто живет в переулке, писать его «историю».

Мимо деревянных домов с кружевными карнизами и вырезными наличниками бежит, позванивает яркий, праздничный трамвай, на котором написано: «Пионерский». Те, кто едет в этом трамвае, знают его историю: ребята из восемнадцатой школы участвовали в операции «Уренгой», много металла собрали сверх нормы и... подарили городу трамвай.

Мы попросили рассказать юных томичей, как они живут. Может быть, эти рассказы пригодятся в вашей пионерской жизни, заставят задуматься о том, как сделать ее более интересной, творческой и полезной для людей.

ШКОЛА ПИОНЕРСКИХ НАУК

Рассказывает
Володя Васильев,
ученик 48-й школы,
знаменосец дружины
и директор Школы
пионерских наук

Эта школа работает уже третий год. Цель ее в том, чтобы пионер не просто носил галстук, а чувствовал себя членом большой пионерской семьи, чтобы у него было желание активно трудиться, потому что нам не нужны те, кто выполняет поручения «из-под палки».



Володя Васильев

Школа пионерских наук работает так. Мы собираемся четыре раза в год, в выходные дни, и после торжественной линейки получаем расписание занятий — три урока по двадцать минут. Вместо звонка — горн и барабан. Названия уроков самые обычные, необычно — содержание. На математике, например, речь идет об экономии и Пятилетке трудовых дел. На рисовании учимся выпускать боевые листки и стенгазеты. На истории смотрим кинофильм или диафильм о Всесоюзной пионерской организации. Есть и «веселый урок» — игры. Они, конечно, тоже пионерские.

Каждый год в Школе пионерских наук проходят экзамены, старшие пионеры получают здесь рекомендации в комсомол.

Теперь никто у нас даже представить не может закрытую на замок пионерскую. А ведь так было всего пять лет назад. В дружине не то что пионерской работы не было, не было даже актива. Тогда к нам пришла работать старшей пионервожатой Ольга Георгиевна Кузьмина. Она сказала, что до совета дружины мы не доросли и для начала собрала активистов «Форпост» — семь человек. Теперь в нашем совете дружины девять девочек и девятнадцать мальчиков. Мальчишки у нас

хорошо работают. Я говорю об этом потому, что в некоторых школах всю пионерскую работу почему-то ведут девочки.

Еще мы шефствуем над школой в старинном селе Ярском. Школа маленькая — всего сорок человек. Нас очень хорошо встречают, а когда ребята из села бывают в Томске, обязательно звонят и приходят в гости. Им интересно у нас. А нам у них. Многие из наших ребят ничего не знают о сельской жизни, не умеют печку топить, как корову доят, видели только по телевизору и в кино. Выезжаем мы в Ярское основательно, даже со своими поварами (повара — только мальчишки!). Заранее обдумываем, чем можем помочь, везем концерт, учим ребят пионерским песням и играм.

„ЖЕМЧУЖИНА СИБИРИ“

**Рассказывает
Лиана Трофимова,
член Городского
пионерского штаба,
24-я школа**

Мы часто говорили, что нужно делать что-нибудь хорошее и полезное для всех, а не только для себя. И решили помочь городу в посадке кедр.

Кедр называют «жемчужиной Сибири». Это удивительное дерево, могучее и гордое. Оно плодоносит 300—400 лет. Древесина кедр, кедровое масло и сливки — ценное сырье, кедр очищает воздух, не дает мелеть рекам. Если есть кедровник — есть соболь, белка, кабарга, кабан, медведь.

Посмотри на свои карандаши — все они сделаны из кедровой дощечки. Очень даже возможно, что твой карандаш сделан из кедр, который вырос у нас.

Вырубают кедр в большом количестве. Поэтому важно беречь кедровник и сажать новый. А выращивание кедр — дело очень трудное. Знаменитый лесовод Морозов сказал, что это — «школа терпения».



Лиана Трофимова

Ростом годовалый кедр чуть больше спички, не дерево, а машинка какая-то. Трехлетний кедр — маленькая веточка. Вот такие веточки мы сажали за городом, в Богашево, каждый по сорок-пятьдесят маленьких деревьев.

Когда мы будем бабушками и дедушками, наш лес только-только вырастет и станет давать плоды. Так что сделали мы, как хотели, — надолго и для всех.

ГОРОД „ФЕСТИВАЛЬНЫЙ“

**Рассказывает
Света Тарунина,
председатель совета дружины
18-й школы**

Когда наших ребят спрашивают, какое пионерское дело им понравилось больше всего, они вспоминают город «Фестивальный». Но если говорить точнее, это было не одно дело, а много дел плюс заключительный праздник. Конечно, можно просто собрать металлолом или макулатуру, провести конкурс газет или пионерский сбор, но ведь так было и в прошлом, и в позапрошлом году. И мы решили для обычных наших дел придумать интересную игровую форму: строить город.

Начертили огромный план



Света Тарунина

города, на улицах контуры будущих зданий. Каждый отряд должен был построить какое-нибудь из них: вокзал, почту, кинотеатр, дворец пионеров, кафе или павильоны союзных республик. Вся затея держалась только на самоуправлении. Участие отряда в операции или соревновании совет дружины оценивал по пятибалльной системе. Хорошо выполнено дело — получай пять кирпичиков и складывай стены своего здания.

Вообще-то некоторые взрослые скептически относились ко всему этому, не верили, что мы построим город. Но дело шло, и сами ребята старались в своих делах придумывать что-то новое и полезное. Вот, к примеру, сбор макулатуры. В подъездах домов выставили ящики и написали объявления, чтобы жильцы складывали туда ненужную бумагу. Подумали о том, чтобы каждый пионер был «на виду». Каждому на пункте сбора бумаги выдавали жетон, потом их собирал председатель совета отряда, а он по этим жетонам отчитывался. Сразу было видно не просто количество бумаги, но и сколько пионеров участвовали в соревновании. Так что первое место по сбору макулатуры ребята получали теперь не только за счет «передовиков». Был даже такой случай: вечером ребята принесли домой одноклас-

снику связку бумаги и сказали: «Завтра сдашь, чтобы звено не позорить». Стыдно ему было.

Или конкурс плакатов. Были даны темы по экономии электричества, воды и другие. Лучшие плакаты после конкурса не пылились рулоном в пионерской, а завоевали право висеть в домах и магазинах. Недавно видела — до сих пор наш плакат не сняли в молочном.

Провели сбор «Учись учиться». К сбору кропотливо готовились. Были подсчитаны минуты, которые уходят на уроке, чтобы посмотреть в окно, обернуться к соседу. Кажется, глупое, мелочное занятие. Но минуты, помноженные на дни и месяцы, обратились в часы и дали такие впечатляющие результаты, что над ребятами-учетчиками больше никто не смеялся. Потом учетчики пошли на работу к нашим родителям и узнали, сколько минут уходит на изготовление определенной детали, как они распоряжаются своим рабочим временем. Очень интересные выводы получились, и кое-кого заставили серьезно задуматься.

Многие отряды построили свои здания раньше срока и стали помогать отстающим. Успели даже построить сверхплановую площадь Дружбы. Накануне праздника стали оформлять школу. Неожиданно пришли помогать комсомольцы, учителя, родители. До половины двенадцатого работали. А на другой день... в школе были не классы, а павильоны наших республик, где проводились викторины, а победители получали жетоны. В игротке можно было научиться играм народов нашей страны, а победителям тоже выдавали жетоны. По этим жетонам можно было посмотреть мультфильмы в школьном кинотеатре «Союз», зайти в кафе «Дружба», «Старый Томас», «Бульба», «Чайхана». Работала почта, где можно было купить открытки. Ребята сами сделали около двух тысяч оригинальных открыток. В киоске «Фестивальный» продавали детские поделки. Все это стоило недорого, чтобы могли купить не только

родители, но и сами ребята. А все собранные деньги мы передали в Фонд мира.

КРАСНЫЕ ШАПОЧКИ

Рассказывает
Володя Скультецкий,
вожатый 5 класса,
12-я школа

Наша старшая пионервожатая, Наталья Леонидовна Лобанова, — заядлая туристка. И мы, старшеклассники, отряд вожатых, — заядлые туристы. У нас вся школа такая. У всех есть значок «Юный турист» или «Турист СССР». Вожатые ведут туристические кружки в младших классах. Маленькие ходят, в основном, в фольклорные экспедиции по селам области, собирают частушки. В горы пускают только с четырнадцати лет. Маршруты у нас самые разнообразные: Средняя Азия, Горный Алтай, Горная Шория, Тянь-Шань. В честь 60-летия пионерской организации наш отряд с Натальей Леонидовной совершил восхождение на перевал Пионерский, мы закопали там вымпел и записку. Очень интересным был трехдневный поход по маршруту Пятой армии, которая освободила наш край от колчаковщины. Одно дело читать учебник или книжки по истории, другое — самим пройти на лыжах по следам этой истории. В поход вышли 55 человек, но погодные условия были тяжелые — ветер, мокрый снег. Через два дня было принято решение оставить на лыжне только самых выносливых. До цели дошли 19 человек.

Сначала наш вожатский отряд носил романтическое название «Роза ветров». Но ребята в походах нас окрестили «Красные шапочки», потому что у нас красные вязаные шапки. Сначала мы сопротивлялись, а потом привыкли. Что же обижаться? Верно подмечено.

Записала Е. Александрова

БАБАНА

ЖУРНАЛ
ЮНКРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ



Имя Ленина в сердце каждого! Верность партии делом докажем!

Над миром реет наше знамя,
Как много лет тому назад,
Когда впервые шел с боями
К победе пролетариат.

Оно взвивалось в небе мгlistом,
Победным пламенем горя, —
Несли бесстрашно коммунисты
Святое знамя Октября.

*Сергей Барышев,
7 класс,
школа № 30,
Липецк*



ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ

Наш отряд вышел на трудовой десант в зоне пионерского действия. Мы привели в порядок улицу рядом со школой. Навели порядок в соседнем дворе. Все ребята трудились так добросовестно, что прохожие замедляли шаг, любясь нашей работой. Какой-то дяденька наблюдал за нами из окна своей квартиры. Потом он открыл окно и спустил нам на веревке целую кастрюлю яблок:

— Угощайтесь, работники!

*Дима Воронин,
Ира Третьякова,
5 класс,
школа № 268,
Ленинград*



Разбрызгивая мириады искр, огненной струей хлынула в ковш мартеновская сталь, и тут же под сводами цеха раздалась дробный перестук баббанов и звуки пионерского горна. Так торжественно заворачивалась на Азербайджанском трубопрокатном заводе имени Ленина пионерская плавка, которую вместе со сталеварами провели пионеры Сумгаита. Из металлургического лома, собранного пионерами в ходе операции «Уренгой», металлурги изготовили около ста тонн высококачественных труб для газопровода Уренгой — Помары — Ужгород.

*Исмаил Шахтахинский,
7 класс,
школа № 1,
Сумгаит*

ГАЛСТУКЕ

ездке в совхоз заговорила вся школа, а школьный радицентр передал, что все деньги от сбора будут перечислены в Фонд мира.

И вот вместе со старшим пионервожатым Игорем мы приехали на совхозные поля. Замелькали между масляных деревьев пионерские галстуки. Тридцать пять ящиков — 590 кг собрали мы в тот день. Это рекорд! Ведь всего по району было собрано 5 тонн. Это наш вклад в Пятилетку трудовых пионерских дел.

*Лейла Садыхова,
7 класс,
школа № 17,
Шаумяновский район
Баку*



Весть о том, что мы будем принимать участие в сборе маслин, была встречена возгласами «ура!». Ведь права участвовать в сборе этой нужной стране технической культуры удостоиваются только лучшие отряды района. О по-

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА СЛЕДОПЫТОВ

Мы хотим рассказать о нашей самой первой операции «Письмо отца». Учительница Н. К. Гриднева передала нам фронтовые письма солдата 786 Отдельного автотранспортного батальона Пилипенко Георгия Алексеевича. В годы войны он получил от матери Натальи Константиновны Гриневаой посылку, одну из тех сотен тысяч, которые отправлялись на фронт советским воинам. В ответ на посылку солдат написал большое письмо, в котором рассказал, что его родной город еще в 1941 году оккупировали фашисты, и он потерял связь с семьей. Так началась переписка, которая продолжалась с мая 1942 по сентябрь 1944 года. Последнее письмо пришло из Польши, из госпиталя.

Мы начали поиск родных Г. А. Пилипенко. Обратились за помощью к польским харцерам. Из Польши пришло сообщение: ребята нашли могилу советского бойца. Прошло полгода долгой и терпеливой переписки с различными организациями. И как же велика была наша радость, когда пришло сообщение от сына Пилипенко — Анатолия Георгиевича, проживающего в Кременчуге.

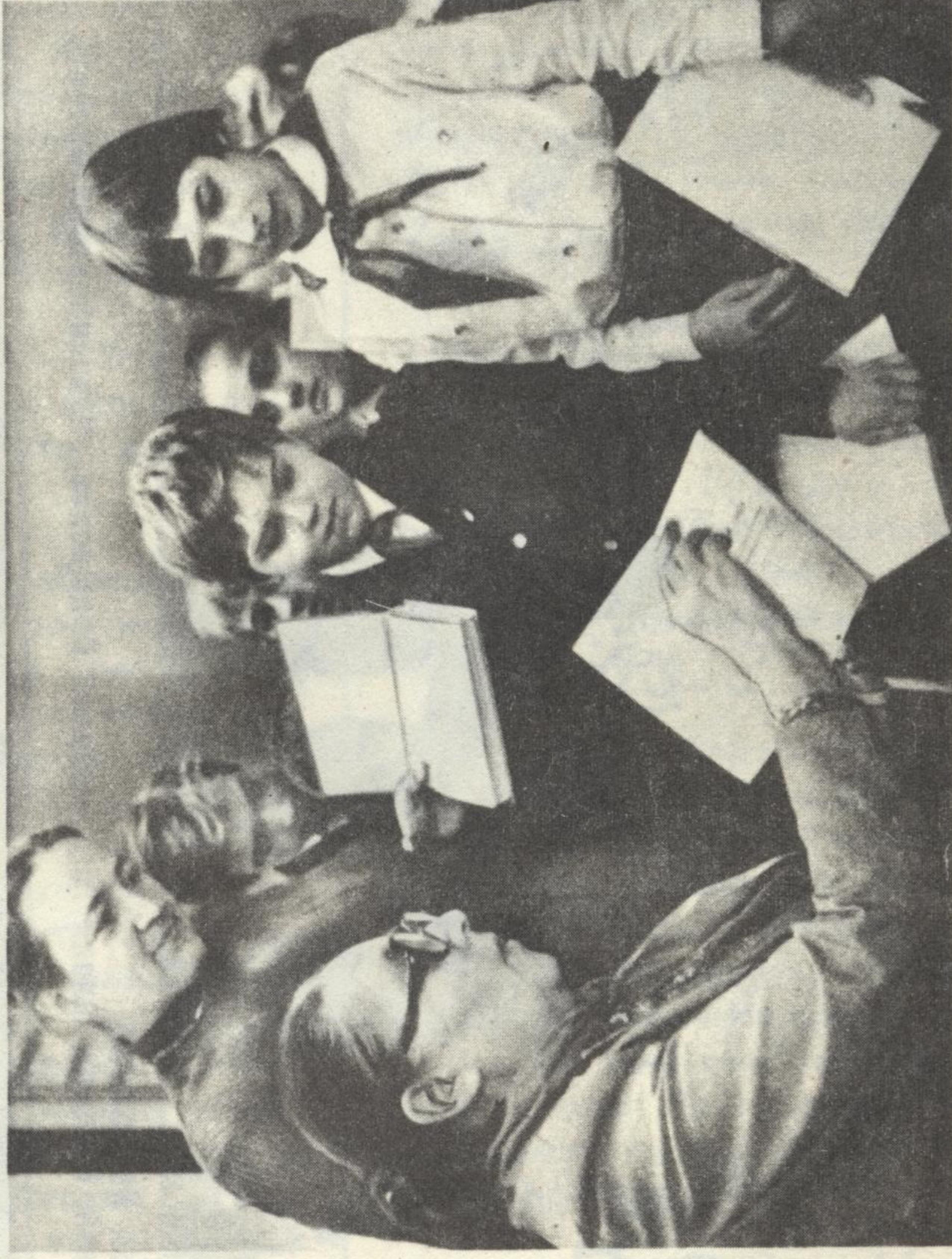
Поисковый отряд
пионерской дружины школы № 207,
Баку

У НАС В ГОСТЯХ — ДОЧЬ ГЕРОЯ

В школе состоялась настоящая пресс-конференция. В гости приехала дочь героя гражданской войны Сергея Лазо — Ада Сергеевна. И хотя мы много читали о подвиге Лазо, услышать рассказ об этом замечательном человеке от его дочери — настоящее событие! Мы приняли Аду Сергеевну в почетные пионеры нашей дружины. А она вспомнила, что когда ее в детстве принимали в пионеры, мама

дала ей прочесть письмо от отца, который погиб, когда Ада была совсем маленькой. Мы спели любимые песни Ады Сергеевны. А наша гостица подарила для школьного музея Боевой славы фотографии отца.

Миша Петров,
Таня Васильева,
Оксана Чабан,
Люда Сылко,
пятниклассники
школы № 430,
Ломоносов



Ленинский урок

У нас в стране многие школы носят имя Ленина, но наша — особенная. Дело в том, что в старом здании нашей школы учился Володя Ульянов. Теперь в бывшем здании Симбирской гимназии занимаются только малыши, а мы учимся рядом, в новой школе со светлыми просторными кабинетами. Ее построили к столетию со дня рождения Владимира Ильича.

В старом здании нашей школы есть класс-музей. В этом классе учился Ленин.

Первого сентября, когда мы только пришли в школу, нас повели туда на наш самый первый урок. Мы тогда сели за все парты, кроме одной. За ней сидел Володя Ульянов. Учительница рассказывала про Ленина, про нашу школу, а в конце урока каждому разрешили немножко посидеть за ленинской партией.

Конечно, мне, как и каждому в нашей школе, хотелось бы еще раз сесть за ленинскую парту, но, наверное, не удастся. Урок в этом классе бывает только один раз. Правда, ребята говорят, что десятиклассники сдают в Ленинском классе выпускные экзамены, и тогда за этой партией сидит самый лучший ученик. Вот Лешке Кислицыну, наверно, разрешат сесть за ленинскую парту. Он отличник, а у меня пока четверок много...

Андрей Егоров,
6 класс,

ордена Ленина
Ульяновская средняя школа № 1
им. В. И. Ленина



ФОТО- КОНКУРС



ДРУЖБА МОРОЗА НЕ БОИТСЯ
Фото Оли Паниной, 6 класс, школа № 1, поселок Ордынское, Новосибирская область



ЭТО — БИМ. ОН БУДЕТ
СЛУЖИТЬ НА ГРАНИЦЕ
Фото Иры Умновой, Тольятти

Юнкор жает под разговор

Здравствуй, «Барабан»! Пишет тебе староста 5 класса Высотинской средней школы. Прочитав «Барабан» бьет тревогу!», я очень встревожилась. Там говорилось, что некоторые ребята не уважают свой пионерский галстук, носят его в кармане. У нас в классе тоже был такой ученик. Наши ребята нарисовали его в стенгазете в таком смешном виде, что не только мы, но и он сам долго ходил и смеялся. После этого он каждый день приходит в чистом, выглаженном галстуке.

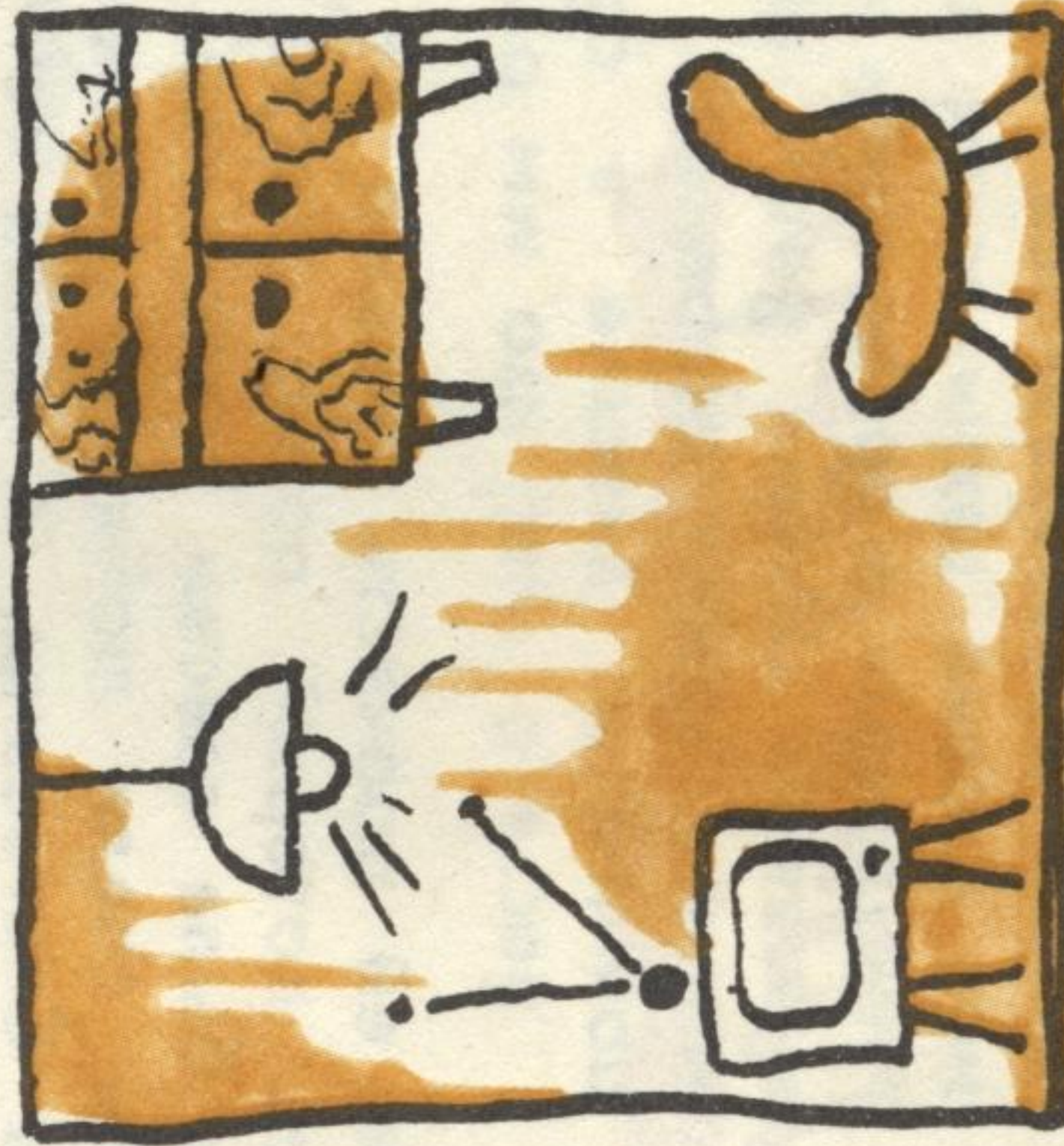
Лена Калиновская,
село Седельниково,
Омская область

Носить пионерский галстук по-человечески, а не в кармане, — значит уважать себя, своих старших товарищей, которые на торжественной линейке повязали тебе его — частицу красного пионерского знамени. А главное — мать галстук в кармане стыдно из-за того, что это оскорбляет бывших солдат, которые проливали свою кровь на войне, теряли родных и товарищей, чтобы мы могли жить спокойно и гордо носить пионерский галстук. Даже пионеры отдавали свои жизни за это! Ребята, давайте будем помнить о них!

Восьмиклассники
Новотроицкой школы,
Семипалатинская область



Строчки и из сочинений



«Сервант стоял в верхнем правом углу комнаты».

«Собака наполнила хозяев звонким лаем».

«На берегу отца встречали соседи, знакомые и самый близкий человек — собака».

«Девочки были тепло одеты: на одной был платок, на другой не было».

Прислали
Оля Тюнина
(Губаха)
и Сережа Попов
(Усть-Кут)

БАРАБАН БЬЁТ ТРЕВОГУ!

ТРУДОЛЮБИЕ — ДЕЛО ОБЩЕЕ

Начался очередной этап Всесоюзного пионерского марша. Наш сегодняшний разговор — о конкретной пионерской активности и инициативе на маршруте «Пионеры — Родине». В разговоре участвуют ленинградские пионеры: **Вика Смурова** (88-я школа), **Наташа Веселова** (213-я школа), **Лена Аверченко** (163-я школа), **Игорь Озеров** (221-я школа). **Дежурный барабанщик — Витя Смольников** (101-я школа).

Дежурный барабанщик: — Давайте подумаем вот о чем. Можно ли степень участия отрядов в Пятилетке трудовых пионерских дел оценивать тоннами и килограммами?

Вика Смурова: — По-моему, можно. В нашей школе норма — собрать каждому по 3 кг макулатуры в месяц. Норма часто перевыполняется.

Дежурный барабанщик: — А если отрядную норму выполняют и перевыполняют только 10—15 человек, а остальные работают кое-как?

Наташа Веселова: — Отряд сам должен оценивать свою работу, а не дожидаться, пока похвалят на школьной линейке. А лентяям ставить двойки за плохую работу.

Лена Аверченко: — Мне кажется, есть и другая проблема. Чаще всего мы не видим конкретных результатов своего труда. Все знают об операциях «Уренгой», «Миллион Родине», но трудно это связать с горами металлолома и макулатуры на школьном дворе. Поэтому они часто и лежат подолгу без призора.

Вика Смурова: — А я читала, что в Томске ходит трамвай, сделанный из металлолома, собранного пионерами. И все знают, что эти пионеры учатся в 18-й школе.

Наташа Веселова: — У нас в ленинградском метро тоже есть поезд, сделанный из пионерского металлолома. Я всегда счастлива, когда удастся проехать в нем. Ведь и мой труд тоже в него вложен.

Игорь Озеров: — Это хорошо, конечно. Ну, а дальше что? Опять ждать, что взрослые предложат?

Дежурный барабанщик: — А вот в 52-й школе ждать не стали. Несколько лет назад ребята создали школьный цех и предложили свою помощь предприятиям-шефам. Недавно они выполнили заказ завода «Позитрон»: просверлить отверстия и отпилить заусенцы на металлических радиаторах для телевизоров и магнитофонов. А до этого делали детали для эскалаторов метро «Пионерская». Раньше в школе с уроков труда сбегали. А теперь даже октябрята приходят в мастерскую и просят поработать.

Лена Аверченко: — В нашей школе тоже немало трудолюбивых. Чиним сами мебель, ремонтируем кабинеты. Но после уроков многие «забывают» про свои навыки и умения. Дверь ли в подъезде дома хлопает, окно разбито или качели сломаны — этого они не видят. Видимо, некому здесь их похвалить.

Наташа Веселова: — Наверное, виноваты не только эти

ребята, но и весь отряд. Нужно устраивать рейды бережливых, лучше знать свою зону пионерского действия. Вместе и работать веселее.

Вика Смурова: — И все-таки многие мальчишки не умеют быть самостоятельными. У нас с мамой в квартире вешалка оборвалась. Я стала просить мальчиков помочь, но никто из них не мог даже гвоздь в стенку вбить.

Игорь Озеров: — Ну и что. Я вот математикой увлекаюсь, участвую в олимпиадах. И уже выбрал себе будущую профессию, чтобы приносить пользу людям. Зачем мне, к примеру, долбить стену? На это рабочие есть.

Дежурный барабанщик: — По-моему, нельзя пользу, которую ты, Игорь, собираешься принести людям, откладывать на потом. Ведь и сегодня многое можно сделать. Вспомни хотя бы замечательные дела пионеров 18-й томской школы, 52-й школы Ленинграда. Тебе и твоему отряду есть с кого брать пример.

РАССКАЖИ, ТОВАРИЩ!

Как оценивает твой отряд работу каждого пионера на маршруте «Пионеры — Родине»?

В каких конкретных делах участвует отряд, беря очередную высоту?

Как ты используешь дома, во дворе те навыки и умения, которые получил на уроках труда?

«Барабан» ждет твоего ответа.



**КОМСОМОЛ
НА МАРШЕ ПЯТИЛЕТКИ**

СМЕЛЫЕ ЛЮДИ

Согласитесь — иметь дело с расплавленным металлом не так-то просто, для этого нужна смелость.

Еще в школе Геннадий Куртуков выбрал себе профессию — плавить металл в огнедышащей печи. Теперь он старший горновой первой доменной печи Западно-Сибирского металлургического завода имени 50-летия Великого Октября. Он награжден орденом Трудовой Славы III степени и среди молодых металлургов один из лучших.

А разве не надо быть смелым и уверенным в себе, чтобы, как уральские пареньки Владимир Костылев и его младшие братья, приехать по комсомольской путевке в Амурскую область на строительство БАМа и стать мостостроителями. Владимир Костылев теперь главный инженер мостостроительного отряда № 55, Леонид — бригадир, Сергей — мастер, Александр — плотник. Братья поставили на БАМе уже больше ста мостов, больших и малых. Вот они на снимке — на своем мосту через реку Тас-Юрях.

А какой крепкий нужен характер, чтобы, как геологи Надир Мусаев и Газы Гаджикеримов, на высокогорье Большого Кавказа, где нередки селевые потоки, снегопады и лавины, на крутых склонах бурить подземные скважины, вести разведку колчеданно-полиметаллического месторождения...

Есть профессии, которые требуют от человека мужества.

Ну, а ты готовишься к настоящему, большому делу, закаляешь свою волю, готов разделить труд отважных?





Дмитрий ВЕРЕЩАГИН

Сад Мичурина

Рисунки А. Ивашенцовой

Интересную запись сделал в своем дневнике Мичурин, когда к нему в Козлов приезжал американский ученый, профессор ботаники Фрэнк Мейер. Он записывает...

Нет, пожалуй, надо начать раньше, с того времени, когда Мичурин был молодым человеком, — иначе эта запись про американца прозвучит вхолостую.

Ну, я полагаю, вам, друзья, известно, что он свои первые опыты начал проводить в чужих садах и что у него долго не было своей земли, на которой он вырастил свой сад? Я вам скажу только, каким Мичурин был в молодости: за то только, что ему позволяли проводить опыты в садах, он работал бесплатно; и какую работу он делал: лечил больные деревья, учил, как надо прививать на дичках яблонь и груш ценные культурные сорта, давал советы, как ухаживать за почвой, сам составлял и готовил рецепты ядохимикатов для борьбы с мышами, вредными насекомыми и

грибковыми болезнями. Этот список его дел можно продолжать и еще, благо в саду, если это настоящий сад, а не простой участок под картофель, столько всяких премудростей, что я не знаю даже, с чем это можно сравнить. Можно смело сказать, что для того чтобы сад посадить — только посадить! — надо пройти школу по садоводческому делу. Но что любопытно: у Мичурина не было высшего образования, у него было среднее образование, да и то неполное: его исключили из гимназии на последнем году обучения. Исключили за чепуховый совсем случай: он при встрече с директором не снял шапки. Мичурин достиг всего в своей жизни сам, благодаря самообразованию.

Но что меня поражает всего более, так это то, пожалуй, что он, Мичурин, не имея высшего образования, задумал совершенно грандиозное. Ведь какую цель, программу он перед собой поставил: он задумал вывести такие сорта пло-

вых деревьев, которые бы не уступали лучшим сортам Южной и Западной Европы; он решил выращивать в Средней России, при нашем суровом климате, виноград, абрикос, персик, черешню; а яблони, груши, сливы и вишню — продвинуть ближе к Полярному кругу, на Урал и в Сибирь, где никогда не было плодовых культурных растений; превратить такие дикие растения, как рябина, черемуха и боярышник — в съедобные, высококультурные; и, наконец, он замышляет создать совершенно новые сорта растений, которые бы лучше приспособлялись к нашей почве и климату.

Решительно можно сказать, это программа одержимого человека!

Мы должны с вами представить себе того Мичурина, который трудится не как ученый, на котором всегда белоснежный халат и карандаш торчит за ухом, а человека в кирзовых сапогах, таскающего на себе землю с далеких загородных лугов, потому что земля, которую взял он в аренду, очень была плохая — камни, песок да глина. И он сажает на ней — не один, правда, к этому времени он уже женился, — деревья и растения, которых у него так много, что один их перечень составит целый том. Это именно так, потому что все свои деньги он тратил на покупку растений за границей. Где он их только не приобретал! И надо сказать, на какие деньги: тридцать рублей в месяц ему давала должность железнодорожного часового мастера, а вторым, самым ненадежным и скудным источником было декоративное садоводство. Оно ему приносило три—пять рублей в месяц. И все эти деньги он тратит на садоводство.

А с какой заботой относился он к растениям! С ранней весны и до поздней осени он, жена и его свояченица оберегали их от холода, от ливней, от града, от прямого попадания полуденного солнца. И как детей своих, защищали они эти растения от болезней. Но вот приходит зима, и они перетаскивают их, молодые нежные растения, в чужие подвалы, которые находятся на самых отдаленных улицах города Козлова. А с приходом весны вновь стаскивают все эти кадки, ящики, горшки сюда, на чужой двор. И, бог мой, сколько у него растений! Даже на крыше сарая стояли ящики с растениями!

И так будут они целых пятнадцать лет трудиться на этом участке, на земле, им не принадлежащей. Но, правда, была и надежда, что придет наконец тот день и час, когда будет своя земля и, стало быть, свой сад! Эта вера, эта мечта, так ими завладела, что они откладывали на этот желанный день буквально всякую копейку. А сами они жили так: по два фунта черного хлеба на день — это на один фунт меньше нормы солдата в царской армии, — пустые щи и картошка. Вот их меню!

Щи мясные и каша с маслом были у Мичурина только по праздникам!

Правда, детям, — а их у него было двое, — полагался белый хлеб. По калачику на день. И молоко.

Таким же он был и в одежде. Сам носил все

казенное: шинель, тужурку, форменную железнодорожную фуражку и простые сапоги. Жена, свояченица и дети ходили в платьях из грубого ситца и в деревянных башмаках. Расходы на ломового извозчика, — чтобы перевозить саженцы, — также были отменены.

— И на себе можно снести, — говорил Иван Владимирович.

Каждую копейку они откладывали на приобретение своей земли. Даже с тех небольших денег, которые им приносило декоративное садоводство, — откладывали. Хотя, надо сказать, это декоративное садоводство больше уносило здоровья, потому что клиентки на этот дешевый, в общем-то, товар попадались чаще капризные. Барыньки да купеческие дочки. До того попадались капризные, что Иван Владимирович, будучи человеком горячим и сердитым, нередко указывал им на дверь. И только жена Александра Васильевна и ее сестра Настасия все от них терпели, потому что были рады каждой вырученной копейке.

Иван Владимирович был человек строгий. Сухой высокий лоб его всегда был в морщинах, и только, пожалуй, в питомнике, когда он увидит, как принимаются растения, — он улыбался.

Это был гибрид вишни и черешни.

Он мог его узнать из миллионов один! И надо было видеть то, как он гладил его, как он его целовал. И надо же случиться такому: об этой своей первой удаче он сообщил редактору журнала «Садоводство» Греллю, с которым он состоял уже много лет в переписке. И получает оттуда такой ответ: «Не пойдет, мы печатаем только правду».

И такое будет повторяться в жизни Мичурина еще много раз. Но странно: как только получил он признание в Америке, так сразу им заинтересовались и в России. Но до этого далеко, это произойдет не скоро, мы, во всяком случае, успеем с вами полистать дневник Мичурина.

«В течение пяти лет нечего и думать о приобретении земли. Расходы по возможности надо сокращать до крайних пределов. После продажи прививок и дичков на шестом году, приблизительно 5000 штук, на сумму 1000 руб., можно будет приобрести землю, огородить ее и засадить».

«Земля нужна как хлеб, как воздух».

Потому что, действительно, в какой тесноте живут его растения:

«Между клубникой посадить 6 штук вишен. Между малиной посадить 6 штук вишни Евгения. Посадить между деревьями и по забору. Считая по 4 вершка на каждое растение. Так можно продержаться три года».

«Теснота в парнике становится нестерпимой. Растения угнетают друг друга. Нужен более просторный участок, не здесь, среди сараев, складов и жилых строений, а за городом, в леваде, у реки. Впереди — ни малейшего проблеска. Единственный выход — экономить, экономить».

Но вот наконец он приобрел землю. Однажды, когда Мичурину было уже 33 года, — к нему в

дом зашел городской маклер Кострикин, через которого делались тогда все сделки в Козлове, будь это покупка дома или покупка земли, и сказал, что поп пригородной слободы Панское, некто отец Яков Ястребов, продает участок, находящийся в семи верстах от города, под так называемой слободой Турмасово. И так стал расписывать эту землю Мичурину, что можно было подумать, что Иван Владимирович сам не знает, какой там участок. Уж чего-чего, а где какая земля в Козлове он знал. Весь округ на сотни верст!

А потому он и подумал про эту землю так: «Хороша Маша, да не наша!» А маклер ему все продолжает ее расписывать. Мичурин, кашлянув, пошел к двери. И уже он открывал дверь. Как вот... Что он слышит? Что эта земля продается в рассрочку! Как раз почти на ту сумму денег, какая у них была! И пишет в дневнике: «Поплыла перед глазами комната».

Словом, купил он эту землю.

Но и земля, правду будет сказать, была отличная. Чернозем на целую сажень.

— Творог! Это не земля, а черный творог! — восклицал Иван Владимирович, когда, набрав полные пригоршни, стал он жевать и на язык пробовать. — Ц-а! — цокал он языком и говорил: — Да, в такую-то землю, правду Антон Павлович Чехов сказал, воткни оглоблю и вырастет дерево!

И вот уже он и вся его семья перетаскивают сад. С чужого участка — на свой! Их, растений, у Мичурина столько, что один их перечень, как уже сказано, составит порядочную ношу.

Но послушайте теперь, как не повезло ему с этим новым участком. Семь лет он растил на нем свой сад, уже хотели они там ставить дом, пото-

му что стояла только сторожка — небольшой домик, без крыльца, с двумя оконцами, — там, в этой сторожке, жил его отец, старичок преклонных лет, который давно уже был на его содержании. А все они, в день по два раза, ходили туда работать. Как вот один год случилась такая холодная зима, что у них померзли все деревья. Особенно пострадали плодовые деревья — даже ветви у них почернели, как это бывает у петухов с гребешками в сильные морозы. И он решил, что виной всему чернозем, который, с одной стороны, способствует росту, но, с другой стороны, питомцы на такой почве получают изнеженные, «избалованные», как пишет сам Мичурин. И он решил снова поменять землю, участок. И вот уже он переселяется на новый участок. А турмасовский они продали. Но оказалось, что и этот шаг был ошибочным: питомцы, после жирной почвы, не стали приниматься на песчаной земле. И снова они таскали чернозем на новый участок — из Турмасово... А новый участок, надо сказать, теперь находится в пяти километрах от Козлова, но только уже совсем в противоположной стороне от города. И сын не выдержал. Николай, его сын, сбежал из дома. От каторжной работы сбежал!

А вскоре после Николая и дочь Маша уехала. Вышла замуж и уехала из Козлова в Пензу. Случилось это в самое, пожалуй, трудное время для отца, потому что он купил новый участок, причем большой.

Правда, он смог распахать только двенадцать гектаров. Этот его последний участок неплохой, место там красивое: рядом протекает река Лесной Воронеж, причем она протекает так, что огибает весь его участок, так что получается, он там



жил как на острове, и чтобы туда попасть, надо перебираться вплавь — со стороны города.

Лесной Воронеж — река небольшая. Примерно будет она, как наша пензенская Сура, только более тихая и, я бы сказал, величавая. Весной, когда в нее смотрится сад, «весь Лесной Воронеж белый». А в августе, когда поспевают сад, «на воде, как в зеркале, смотрятся мои яблоки», — так писал Мичурин.

И я представил себе, как смотрел, любовался этим садом Фрэнк Мейер, приехавший к нему в гости в конце лета, в одна тысяча девятьсот одиннадцатом году. Сад, обремененный плодами, пригнулся весь до земли. Как старухи, сгорбившись, стояли яблони!

— О, колоссаль! — говорил, глядя на сад, заморский гость.

А Мичурин, показывая свой сад, отвечал: — Это вот мой Пепин. Это вот мой Шафран. Это вот моя Бессемянка. Пробуйте, пробуйте на вкус.

И американец так напробоовался, так напепинился, так нашафранился, что Мичурин записывает в своем дневнике: «Когда обошли весь сад, мой гость пыхтел, как паровоз».

Когда заморский гость уехал, он записывает в своем дневнике: «Положение трагическое. Видно, мама, скоро на том свете встретимся. Я там попрошусь у бога в садовники».

Какая пронзительная запись! У меня, когда я ее прочитал, глаза даже заволокло, заслезило. Настолько, представил я, у него тяжелым было положение. Ведь уже и потому ему было тяжело, что сад какой у него большой! А работать в нем некому. Работников ему было не на что нанять. Пока молодой был, сам работал без устали. А когда американец приезжал, ему было уже пятьдесят шесть лет.

Однажды вышел он в сад покормить птиц. Кормит птиц и слышит:

— Дядь Вань!

— А?

— К тебе почтальон.

И снова тихо. Мичурин ничего не отвечает. А спрашивали его мальчишки. Стоявшие за садом, за изгородью.

— Дядь Вань, он давно уже ждет!

— Ну, кричите. Я пошел за веслом.

Точно бы я сам вижу все это! Вот пацаны, сделавши руки рупором, кричат: «Дядя Ваня пошел за веслом!» И река — чуткая! — вторит эхом: «Дядя Ваня пошел за веслом!» А над головами у мальчишек висят яблоки. Такие висят яблоки, что руки к ним тянутся сами.

— Не трогайте! Дядя Ваня вам даст! Он меня один раз так наказал!

— Правильно, правильно, — говорит Мичурин, появляясь. И слышно, как он пробирается сквозь кусты. И вот уже появляется сам. С кормовым веслом, одет чисто. В костюме и в шляпе. Иван Владимирович всегда аккуратно одевался. И вообще он был человек во всем аккуратный.

— Это ты здесь, Паша?

— Мы, — отозвались все разом. — Это мы здесь, дядь Ваня! Но мы не воровали ничего.

— Не воровали?

— Нет, дядь Вань, — говорит Паша. В будущем — Павел Никанорович Яковлев. Академик. Его ближайший помощник и продолжатель дела.

— Я им не велю, дядь Вань.

— Ну, хорошо. Ты, Паша, поди набери чего хочешь, а мы пока приготовим лодку.

И вот уже они плывут. Пацаны уплетают за обе щеки сочные мичуринские яблоки, а он сам, сидя на корме, правит. А река все шире, шире. Так что все на ней видно: весь его прекрасный осенний сад.

...Когда у почтальона принял он почту, вдруг, не говоря ни слова, прыгнул в лодку. И поплыл. Да так заработал он веслом, что пацаны подумали: «Это что с ним случилось? И чего ему это прислали?»

А прислали ему вот чего. Это оказалась не русская, а иностранная бандероль. Когда он ее вскрыл, там оказалось несколько иностранных журналов. Американских, точнее сказать. И вот в этих журналах, смотрит он, его фотография. И какой-то текст под ней. Он, взяв скорее словарь английского языка, стал переводить.

Боже мой! Это все написано про него! И как написано! Он там «Джон Мичурин, гениальный русский селекционер». Слезы у старика потекли сами. У Мичурина потекли слезы! И даже он смеется. Сквозь слезы!.. Эх, жалко, что нету отца в живых, сейчас бы ему показать. Отец, бывало, говорил сыну, когда тот станет рассуждать о будущем: «Ой, что ты, Ваня! Нам бы не до жиру, а быть бы живу». И — кхе, кхе! — кашлял все он в горсточку. И бородку все он свою седенькую, клинышком, поглаживал. Но вот же признали, дьявол тебя ни возьми!

И жена, бывало, покойница, Александра Васильевна, ему все говорила, поправляя свои седые волосы: «Ой, Ванечка! Ты уж на многое-то не замахивайся у нас... Горячий ты больно».

«Да я ли это?»

Вы, вы это, Иван Владимирович. Это вас признали. Это о вас напечатали. Но, — Иван Владимирович, — почему в Америке? Почему, спрашивается, не в России? Нет, теперь и в России вас признают. Не успела из Америки бандероль прийти, как уже — буквально через неделю — он, так же вот, находясь в саду, кормил птиц — как слышит:

— Дядь Вань!

— А!

— К тебе приехали. Господ понаехало. Все не наши, из Петербурга, должно быть...

На этом бы, кажется, и рассказ свой мне закончить: но хочется еще вот что сказать. Кто же он такой, Мичурин? Я на эту тему столько думал, что даже однажды приснился мне сон. Будто бы идем мы по саду с Андреем Николаевичем Бахаревым, биографом Мичурина, и ведем беседу о сортах, выведенных Иваном Владимировичем. И он мне говорит, что о каждом мичуринском сорте можно написать целый роман. И рассказывает мне историю Американки — сорта яблони.



— Посудите сами, — говорит Андрей Николаевич, — американский садовод, некто Милленс, имел сорт Голден делишес с превосходными качествами, и хотя мичуринские сорта яблони Пепин шафранный, Пепин-китайка, Шафран-китайка, Бельфлер-китайка по качеству не хуже, Иван Владимирович, однако, просит советское правительство помочь ему заполучить из США этот сорт Милленса. Но этого сделать почти невозможно, потому что сам Милленс потерял уже право на этот сорт, подписав контракт с фирмой «Братья Старк». Но все-таки выяснилось, что несколько черенков от Голден делишес приобрел русский садовод Сибуров, который жил, представьте себе, совсем рядом от Мичурина, — всего лишь в двадцати пяти километрах. Радости не было предела! Но когда это деревце уже было у Мичурина, уже оно принялось в его саду, когда все помощники Мичурина уже ощущали, что

называется, плоды во рту, Иван Владимирович засомневался.

«Это, друзья мои, не Голден делишес!» — сказал он.

Но что же теперь делать? Нужно семечко, хотя бы одно только семечко от Голден делишес.

Это семечко привез из Америки академик Вавилов. И вот из этого-то семечка, наконец, Иван Владимирович получил свой долгожданный сорт; но так как у него нет права на размножение этого сорта, он его скрестил со своей Бессемянкой, и в результате получился сорт Американка, который, кстати говоря, по вкусовым качествам значительно превосходит сорт Голден делишес.

Вот такая история. И таких историй, говорит мне Андрей Николаевич, у Мичурина триста штук. Потому что он, Иван Владимирович, вывел триста своих превосходных сортов!

УГОЛЬ ГОРЛОВКИ

Ю. ПАРАМОНОВ

Горловка — один из крупнейших промышленных центров Донбасса.

Шахта, где мы находимся, вот уже шестьдесят лет носит имя Ленина. Мы стоим в светлом просторном зале. Здесь, перед спуском в шахту, бригады получают задания на работу.

Смену молодых рабочих сегодня провожает кавалер орденов Ленина и Трудового

Красного Знамени, почетный шахтер Иван Никитович Меримерин. В его руках красная папка, где хранится расчетная книжка шахтера, выписанная на имя Владимира Ильича Ленина.

60 лет назад, в этот памятный день, рабочие и служащие Госрудника № 5 (так в то время назывался бывший рудник Альберта), постановили на общем собрании: «Госрудник № 5 назвать именем товарища Ленина, а своего любимого вождя Ильича просить принять на себя звание почетного забойщика. Его заработок отчислять на культурабиту».

Нелегкое это было время. Недосыпая ночей, недоедая, возрождали горняки свою шахту. Нужно было откачать воду, пустить паровые котлы. Рабочие по куску собирали уголь возле эстакады, тачками доставляли его в котельную. Трудились все, даже дети и старики пришли на помощь шахтерам. И вот, наконец, шахта подала голос. Раздался первый гудок...

— Уголь добывали тогда обушками и кайлами, — вспоминает Иван Никитович, — техники не было практически никакой.

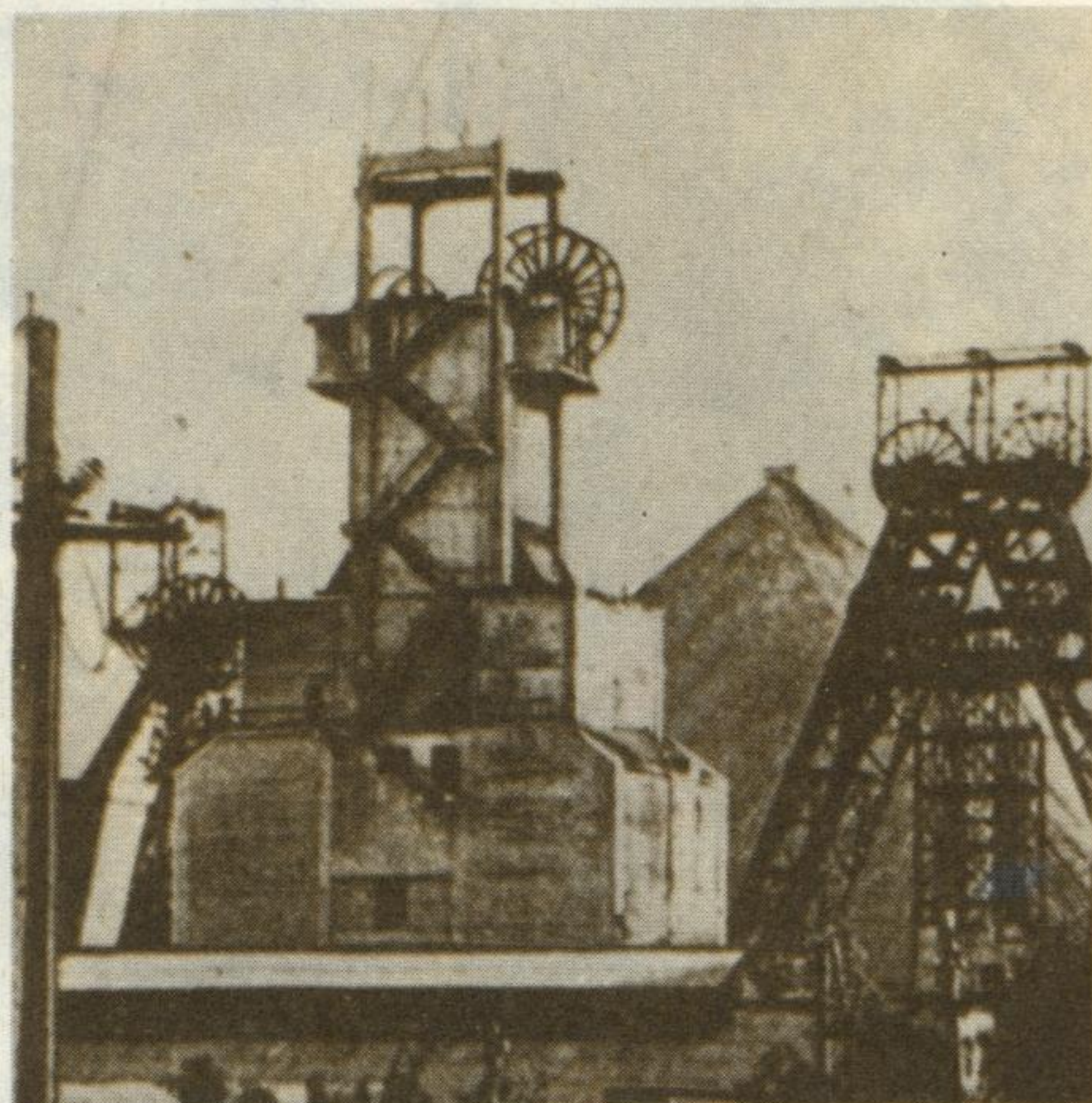
Почетное право называться Ленинской шахта получила после того, как одной из первых в Донбассе, несмотря на разруху гражданской войны, стала выполнять государственные задания по добыче угля, который Ленин называл хлебом для промышленности.

Притихли молодые рабочие. Каждому хочется услышать бывалого забойщика.

— И вот что интересно, — продолжает Меримерин, — кто бы ни встал на трудовую вахту в Ленинском забое, — опытный шахтер или новичок, — больше всех в этот день угля нарубит.

Иван Никитович прищуривает глаза, смотрит с улыбкой и обращается к стоящему рядом секретарю комитета комсомола шахты Юрию Козыреву:

— Скажи, Юра, чья сегодня бригада в Ленинском забое трудится?



— Бригада Виталия Кучеренко, — отвечает комсорг.

— Ну и как дела у них?

— Идут впереди остальных. Каждую смену перевыполняют задание.

— Вот и я о том же говорю, — удовлетворенно кивает старый забойщик. — Такая у нас традиция.

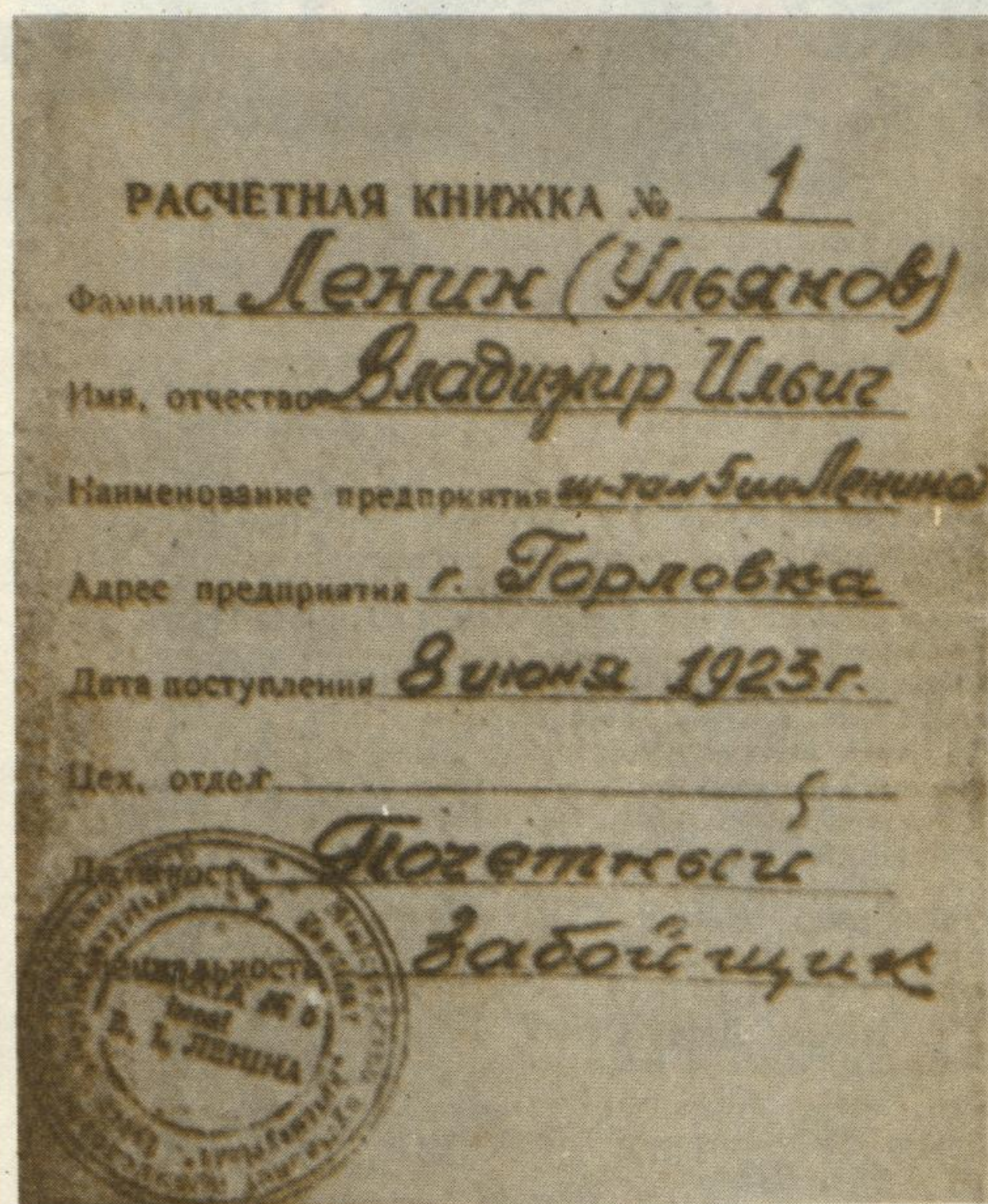
Он смотрит на часы.

— Ну, молодцы, успеха вам. Шахтерский труд хотя и нелегко, да славен.

Прежде чем попасть в шахту, необходимо переодеться в рабочую одежду. Полностью. Чистое нижнее белье еще хранит запах свежести. Стираная куртка немного топорщится на плечах, словно у новобранца. Брюки заправлены в резиновые сапоги. Нужно не забыть взять ремень, пристегнуть к поясу аккумулятор, от которого тянется провод к фонарику, прикрепленному над козырьком шахтерской каски. «Свет», как говорят шахтеры, выдают в специальном помещении. Оно носит название «ламповая».

Остается перекинуть через плечо ремень изолирующего шахтного спасателя, чем-то напоминающего флягу-термос, внутри которого находится маска и кислородообразующий состав для дыхания. Без него под землю спускаться нельзя, таков порядок. Если предстоит работа в запыленной среде, необходимо взять респиратор.

Проходя мимо окошка табельной или «отметки», как ее иногда называют, получаем металлический жетончик, где



выгравирован табельный номер. С этого момента здесь, «на-гора», будет известно, что мы находимся в шахте.

Под землю ведет вертикальный спуск, по-горняцки «ствол». Глубина его на шахте имени Ленина более километра. Однако идти пешком не придется. Спуск и подъем производится подъемной машиной. Ее толстые стальные канаты рассчитаны так, что для подъема и спуска клетки хватило бы одного, но для надежности их ставят четыре.

Клетки здесь трехъярусные. В каждом могут одновременно поместиться до 25 человек.

Встаем в клеть.

Прозвучали звонки — посадка закончилась. Клеть дрогнула. Плавно и легко устремляется вниз. Звуки стихают, словно уплывают куда-то, не находя опоры в пространстве. Или так кажется потому, что их уносит движение воздуха? Ведь через ствол происходит вентиляция шахты. Воздушный поток туго ударяет в лицо, но он не шумит, а просто движется нам навстречу... С непривычки закладывает уши, но неприятное ощущение вскоре проходит.

Двух минут не прошло, а мы уже на глубине 750 метров. Здесь выходят те, кто работает на этом горизонте, остальные продолжают спуск.

Выходим на околоствольный двор. Он ярко освещен огнями. Рассаживаемся в пасса-

жирские вагонетки, машинист электровоза бьет в колокол и везет смену к забоям.

Впечатление такое, словно находишься в тоннеле метрополитена, с той разницей, что вместо платформ по сторонам мелькают отходящие в темноту пространства боковые подземные выработки.

Возле одной из них останавливаемся.

— Это групповой штрек № 108, — поясняет Валерий Захаров, мастер участка. Он молод, но уже успел поработать в шахте и знает каждую выработку. Был рабочим очистного забоя, крепильщиком. После окончания горного техникума стал мастером, горным нормировщиком.

— К уголку подобраться непросто. Пласты угля у нас на шахте небольшой мощности, толщина их до полутора метров, да и залегают они под большим углом к горизонту. На таких пластах сложно использовать угольные комбайны, но все-таки мы их применяем.

Знакомлюсь с бригадой. Молодой шахтер крепко жмет руку.

— Кучеренко.

Подхожу к другому.

— Кучеренко, — называет он себя.

Лица у них в угле, может, я дважды знакомился с одним и тем же? Но третий шахтер тоже говорит:

— Кучеренко.

Я запутался. Пошел к бригадиру. И поразился еще больше:

— Кучеренко, — сказал он.

— Вы родственники?

— Правильно, — сказал бригадир Виталий Филиппович, — шахтерская профессия в нашей семье потомственная. Отец мой тоже работал шахтером, сам я на шахте уже 35 лет, а теперь вот и сыновья выросли — Владимир, Виталий и Валерий.

По подземным галереям мы вышли в верхний штрек, затем вошли в лаву. В лаве — узким коридоре, пол и потолок убегают вверх почти отвесно. На крутых угольных пластах, где, казалось, о машинной добыче и думать нечего, стоит узкозахватный горный комбайн.

— Заводи! — раздалась команда.

Взревел мотор, и комбайн полез в гору. Машина двигалась со скоростью один метр в минуту, лаву длиной в 120 метров она проходила за полтора-два часа. Каждая полоска давала 200 тонн угля.

На-гора мы поднялись, когда над Горловкой уже плыли вечерние сумерки. У шахтного здания, освещенного огнями, высился памятник В. И. Ленину. С территории шахты медленно выходит поезд — платформы, груженные углем. Шахтеры крепко держат слово, данное Ленину шестьдесят лет назад.





СТАРШИЙ БРАТ

Владимир ОДНОРАЛОВ

РАССКАЗ

Рисунок С. Есепова

Мишка жил в те времена, когда для того, чтобы взять два килограмма сахара, бабушка брала его в магазин. Это называлось брать сахар «на двоих». Иногда очередь ругалась на бабушку и на всех, берущих «на двоих» или «на троих». Но ничего.

Мишка рос парнем добродушным. И когда одноклассник Васек в нечаянной драке вывихнул ему руку, и его за это отхлестали ремнем, Мишка очень переживал за Васю.

В субботу пострадавшие сошлись, сцепились мизинцами и шепотом пробормотали:

— Мирись, мирись, мирись и больше не дерись...

После этого переживать было нечего, и Мишка по дороге домой задумался про завтрашний день. Дома у Мишки жили только мама и бабушка. А праздновать с ними воскресенье скучно.

Зимой в пригороде славно. Нет ни грязи, ни пыли. Сугробы скрыли все по самые окна, светлые дымы колыхают на тропках-дорожках слабые тени.

В каждой проулке есть накатанная горка. Мишка ни одной не минул по дороге домой, но только на самой большой он задержался, чтобы осмотреться кругом. Отсюда виден был далекий, запорошенный буранами лес.

Здесь-то и появился брат. Он похлопал его по спине пахнущей бензином рукой (он был то шофер, то летчик) и сказал:

— Видишь, Мишка, с крыш сосульки сползли, и шапку можно набекрень надвинуть. Завтра тоже тепло будет. Мы с тобой на лыжах в лес пойдем. Туда, где летом пионерские лагеря были. Если нам попадется заяц, то мы его трогать не будем. Зайцы — они не вредные. Потом, наверное, мы клад разыщем.

— Какой клад? — спросил Мишка.

— Пугачевский, — ответил брат и пропал до завтра.

Мишка побрел домой, размышляя про клад.

— Если пугачевский, значит, там сабли, пушки, монеты старые...

Никем не видимый, снова пришел старший брат и сказал:

— Пошли.

— В лес пойдем? — улыбнулся Мишка.

— В лес.

Брат уже собрался. На нем была желтая меховая куртка, меховые сапоги, длинные с железными креплениями лыжи, как у одного офицера. У Мишки лыжи были старенькие, на сыромятных веревочках, и меховой куртки он, конечно, никогда не носил. Но брату Мишка не завидовал, только гордился им по секрету.

К реке ехать весело. Улочки сбегаются к ней, словно ручьи, и вся дорога — пологая горка. Отталкивайся палками да катись! Брат маячил где-то рядом, только покрикивал:

— Успевай!

«Все-таки он летчик, раз меховые сапоги носит», — решил Мишка.

На последнем крутом спуске к реке катались все пригородные мальчишки: на лыжах, на санках, на фанерках и на дырявых тазах. Знакомый паренек подошел к Мишке и попросил:

— Дай разок с палками съехать.

Мишка дал. Знакомый съехал и уже издали показал ему язык: «Догони, мол!»

Мишка недоуменно спросил брата:

— Что же делать?

— Не злись, — посмеиваясь, ответил брат, — вперед!

Мишка рванулся с крутизны, и замелькали мимо румяные рожицы лыжников, но сквозь хлещущий по глазам воздух он видел удирающего к лесу знакомого.

— Бегают он, как заяц, и лыжи на нем отцовские. Догоним, — подсказал брат.

Мишка догнал мальчишку на середине реки, тот бросил палки и тяжело поплюхал назад.

— Трус! — крикнул ему вслед Мишка.

Потом они с братом долго шли вдоль реки, чтобы найти пологую тропу на обрыв, и когда Мишка карабкался вверх, то подумал:

«Хорошо, если бы брат протянул мне палку. Но он такого никогда не делает. Жалко».

Они бежали по лыжне, пока их не перестали обгонять лыжники с белыми бровями и усами. Потом они зашли туда, где никого не было слышно, только потрескивали, как на костре, голые ветки, и снег хрустел под лыжами, словно рядом хрупала сено лошадь-невидимка.

Лыжня поворачивала назад, но брат махнул на нее рукой:

— Сейчас начнем делать открытия.

И они пошли осторожнее, сами прокладывая себе путь.

«Хорошо, если бы брат протапывал мне лыжню», — снова подумал Мишка.

Они выбрались на большую поляну, усаженную ровными сосенками.

— Открытие номер один, — сказал брат.

— Здорово, — согласился Мишка, потому что живых сосен он никогда еще не видел. Похожие на школьниц в пушистых шубках, они были ниже его.

— Если хочешь сорвать ветку, то сорви, — посоветовал брат.

— Я не больно сорву, — согласился Мишка. — А шишки здесь есть? А зайцы? — Он стал всматриваться в чистый, как высокие облака, снег.

— Шишки под снегом, — объяснил брат, — а зайцы сидят себе в теплых норах.

Тут Мишка заметил, что валенки уже остыли, а кожаные рукавички сгибаются трудно, как провололочные.

— Лови, держи меня! — закричал брат.

— Держи-и! — повторил Мишка, и они побежали наперегонки, чтобы согреться. Мишка сме-



ло съехал за братом в глубокий овраг, плюхнулся в снег и, лежа, осмотрелся. От него самого шел пар, над оврагом, над самыми низкими кустами, висело солнце, тяжелое, как осеннее яблоко.

Солнце упало за темные леса, в серых кустах видны были только яркие бусины шиповника и бледные, как роса в пасмурный день, звезды.

Деревья и кусты уже почернели. Темнота, как лохмотья, висела на них, и Мишка шел вперед, не оглядываясь по сторонам, чтобы не испугаться. Варезки перестали сгибаться совсем. Мишка втиснул руки в тесные карманы пальто, так что палки теперь бесполезно волочились по снегу. Шаг у него был медленный, и он стал остывать.

Мишка заторопился. Из леса он уже вышел и увидел впереди длинный откос.

— Это узкоколейка, — напомнил брат, — отсюда и до дома близко, видишь огни?

Огни дрожали, словно отраженные в воде, и казались далекими, как звезды. Но брат сказал, что это только кажется.

— Теперь ты один доберешься, а мне по делам пора, — попрощался он и исчез, словно его никогда и не было.

Мишка чуть не заплакал от обиды. В первом же проулке стало теплей. Ветер не гулял здесь так буйно, и, хотя путь был в гору, Мишке стало полегче. Под фонарем мелькнула ему навстречу тень прохожего, но Мишка не испугался.

— Да ты обморозился! — женщина нагну-

лась к нему и стала растирать зеленой варезкой бледную Мишкину физиономию. — А ты лыжник отчаянный! Где живешь?

— На Буранной.

Женщина довела его до самого дома.

— Ох, и влетит тебе. Папка-то есть?

— Нет, наверное, — ответил Мишка.

У ворот он задержался, чтобы придумать, где был, и тут снова появился брат. Лицо у него было виноватое и усталое, это удивило Мишку, но, помня обиду, он спросил:

— Ты зачем меня бросил сегодня? Страшно ведь одному ночью.

— Я недалеко был, — ответил брат.

— А тетеньку ты навстречу послал?

Брат кивнул.

— Зря. Мне с тобой лучше всех.

— Вот чудак! — улыбнулся брат. — Когда ты совсем поймешь, что меня нет, тебе скучно станет.

— Не станет! — воскликнул Мишка.

— Ладно. Мне пора насовсем уходить. А то я тебе только мешаю.

— А где ты жить будешь? — тихо спросил его Мишка.

— Везде! — издали ответил он.

Мишка потоптался еще на пороге и, ничего не сумев придумать, с глазами на мокром месте шагнул в комнату, полную тепла, света и чьих-то расплывчатых лиц...

ИГРУШКА

Марите ШАЛЬТИТЕ

РАССКАЗ

Рисунки О. ФИЛИППЕНКО

Уже второй день мама не разговаривает с бабушкой. Андрюсу это очень неприятно, и он старается выяснить:

— Мама, что случилось? Что плохого бабушка сделала?

— Не твое дело, — недовольно отвечает мама. — Лучше съезди в городок и купи сахара. Будем варить груши с брусникой. Твое любимое варенье.

Но Андрюс не прыгает от радости, как обычно. Зачем это варенье, хотя и самое вкусное на свете? Мама просто хочет отослать его от себя, чтобы меньше спрашивал. Но ехать надо. Андрюс берет сумку, деньги. Сахара так сахара. Когда дома нелады, то лучше куда-нибудь скрыться.

В большой темной прихожей, разделяющей дом на две половины, он сталкивается с бабушкой. Андрюс не может пройти просто так.

— Бабушка, еду за сахаром. Может, тебе что-нибудь надо?

Бабушка хочет погладить Андрюса по голове, но открывается дверь и на них зло смотрит мама:

— Быстрее, Андрюс! Сколько можно тебя ждать?

Ободья колес стучат по камешкам, может получиться «восьмерка», но Андрюсу все равно. Он даже хочет, чтобы велосипед сломался, тогда не надо будет быстро возвращаться домой. Хоть садись на обочине и плачь, чтоб каждый прохожий жалел. Между мамой и бабушкой разлад. И почему мама рассердилась на бабушку? Андрюс никак этого не понимает. Ведь бабушка такая хорошая, добрая, очень его любит. Она не ругает Андрюса даже тогда, когда мама берется за ремень.

Андрюс первый раз оказался в такой ситуации. Начнешь разговаривать с бабушкой, мама будет недовольна. Не будешь разговаривать, бабушка станет переживать. Безвыходное положение. Быстрее бы стать взрослым, тогда он будет знать, как поступить. И посоветоваться не с кем. Отец в командировке. Арвидасу об этом стыдно рассказывать...

Купив сахар, Андрюс заходит в «Культовары». И сразу видит отличную игрушку. На большом картонном щите нарисованы дороги, а на них стоят маленькие блестящие автомобили, которыми можно управлять рулем в середине щита. Не игрушка, мечта!

Вдруг в магазин заходит отец Арвидаса и про-

сит показать ему именно эту игрушку. Продавец устанавливает ее на столе и включает вилку в розетку.

— Электрическая! — восхищается Андрюс.

— Да, да, — улыбается отец Арвидаса. — Иди сюда, будем испытывать.

Машины мчатся то кругом, то по диагонали, то медленно едут, то несутся вихрем. А на дорогах столько препятствий! Только не зевай, успевай поворачивать руль.

Отец Арвидаса покупает игрушку. Он кладет на прилавок двадцать пять рублей — столько стоит эта прекрасная, удивительная игрушка. Но Андрюсу такой, конечно, никто не купит.

— Приходи к Арвидасу, наиграешься.

— Спасибо! — радуется Андрюс.

Он несется домой, забыв про ссору мамы и бабушки. Скорей отвезти этот сахар и быстрее к Арвидасу!

Маму Андрюс застаёт очень взволнованной. Она чуть не плачет.

— Где ты так долго был? Я уже думала, под машину попал!

Андрюс виновато улыбается, выгружает сахар и рассказывает о новой игрушке, которую только что купили Арвидасу. Сейчас он побежит к нему играть. Мама слушает, потом открывает ящик стола и начинает чем-то там шуршать. Потом достает... двадцать пять рублей.

— Возьми и купи себе эту игрушку.

— Мама! — Андрюс не верит своим глазам.

— Ладно, ладно, бери, — мама целует в макушку сына. — Поезжай. Только не задерживайся, а то я переживать буду.

Она провожает Андрюса до калитки и, когда тот уже поставил ноги на педали, вдруг говорит:

— Если бы бабушка тебя любила, то сама дала бы деньги. Пенсию-то большую получает, а копейки из рук не выпустит. И зачем старому человеку деньги?

Андрюс поворачивается к бабушкиным окнам и видит: та сидит за столом и грустно на него смотрит. Но сейчас бабушка его совсем не интересуется. Он только думает, что бабушка в самом деле могла бы дать денег на эту игрушку. Каждый месяц столько денег ей почтальон приносит. Зато какая добрая мама! Сейчас Андрюс, как взрослый, будет покупать неслыханно дорогую игрушку. Продавщица обязательно спросит: откуда у него столько денег? Андрюс тогда гордо от-

ветит: «Мне мама дала, она у меня добрая и очень меня любит».

А продавщица совсем не интересуется, откуда у него такие деньги. Она равнодушно заворачивает игрушку в бумагу. Андрюсу обидно, но он все равно говорит:

— Моя мама добрая. Это она мне двадцать пять рублей дала.

Продавщица улыбается, но ничего не отвечает.

для Чернорога и бежит на гору, где соседи, громко переговариваясь, поджидают своих коров. Вдруг из кустов, разорвав путы, выскакивает телка тети Анели. За ней — другие коровы, телки, бычки, среди них и Чернорог. Все стадо вдруг так рвануло, будто за ним погнались волки. Чернорог не дается Андрюсу.

— Стой! Стой! — кричит Андрюс. — Стой, Чернорог! Куда ты?



Дома Андрюс бросает велосипед под кустом жасмина и бежит в свою комнату. В прихожей опять сталкивается с бабушкой. Бабушка что-то говорит ему, но Андрюс не слушает и захлопывает за собой дверь.

Заигравшись, он не заметил, как наступил вечер.

— Хватит тебе там греметь своими машинами, — в комнату заходит мама, — иди за бычком, все уже ушли.

Андрюс берет веревку, посоленную горбушку

Он уже устал и останавливается. Сразу успокаивается и бычок. Только тогда Андрюс замечает, что нет бабушки. Она всегда ходит за своей коровой вместе с Андрюсом. А ее корова тем временем уже пристроилась пастись на колхозных овсах. Ну и пускай лезет. Если мама рассердилась на бабушку, то Андрюс не погонит домой ее корову. Пусть сама за ней идет, а еще лучше — пусть платит штраф за потравленный овес. Деньги у нее есть. И Андрюс делает вид, что ничего не видит.

Тогда тетя Альбина оставляет свою корову и выгоняет с поля бабушкину Звездочку. Та послушно выходит и по привычке пристраивается к Чернорогу. Андрюс хочет ее отогнать, но тут опять вмешивается тетя Альбина:

— Гони домой корову, это ведь бабушкина. Некрасиво. Мало ли, что мама с ней поругалась. Ты ведь внук.

Андрюсу становится стыдно, и он понуро плетется в деревню. А там их встречает бабушка. Хотя вечер и теплый, она кутается в старую фуфайку и идет, странно согнувшись, прижав руки к животу.

— Спасибо, внучек, что Звездочку пригнал, — тихо говорит она.

— Это я ему велела, — говорит тетя Альбина.

Андрюс краснеет. Счастье еще, что бабушка молчит:

Ночью у него начинает сильно болеть живот. Даже нет сил плакать. Молоденькая фельдшерица, которую привела мама, подавила ему живот:

— По-моему, аппендицит. Сейчас вызову «скорую». Надо срочно в больницу.

«Скорая помощь» приезжает очень быстро, и Андрюс, не успев даже по-настоящему испугаться, оказывается на операционном столе.

Операция прошла хорошо. Но проходит день, другой, а Андрюса никто не навещает. Ни мама, ни бабушка. Об отце и речи быть не может, он вернется только через две недели. Андрюс тайком плачет: почему его все забыли? А ему так хочется маминого варенья и бабушкиных булочек! Потом он начинает сердиться. Пусть попробуют приехать, он отвернется к стенке и не будет разговаривать, и к лакомствам не притронется. Он покажет, что значит его забыть!

На третий день, держась за стену, Андрюс выходит из палаты. В коридоре встречает дядю Пятраса. Мальчик радуется. Все же свой человек, из родной деревни.

— Грустишь? — спрашивает сосед. — Мне тоже грустно.

— Да нет, — отвечает Андрюс. — Скоро домой поеду. В пятницу меня выписывают.

Дядя Пятрас молчит. Потом отворачивается к окну и говорит:

— Ты ничего не слышал? Говорят, в нашей деревне кто-то умер...

— Умер? Нет, не слышал...

Сосед снова поворачивается к мальчику и уже улыбается:

— Тебе хорошо. Тебя уже выписывают. А я даже не знаю, сколько времени здесь пролежу, —

и дает Андрюсу несколько конфет. — Ешь. А я в палату пойду.

Вечером приезжает мама. Забыв про свою страшную месть, Андрюс радуется, ластится к матери. Они садятся на кровать. Мама достает из корзинки банку самого вкусного в мире варенья, кладет на тумбочку кусок вареной говядины. Откуда говядина? У них в доме обычно едят свинину. И вдруг Андрюсу почудился голос дяди Пятраса: «Ты ничего не слышал? Говорят, в нашей деревне кто-то умер...»

— Бычка зарезали, Чернорога, — чуть слышно шепчет мама и отводит глаза в сторону...

Андрюсу уже все ясно. Чернорога резали на поминки!

— Бабушка! Бабушка! — Андрюс горько плачет.

Мама молчит, потом говорит будто сама себе:

— Не умеет человек жить. Ругается из-за пустяков. Кажется ему, будто век будет жить. Некогда и доброго слова сказать. А когда соберется, говорить-то уже и некому...

Андрюс кулаком размазывает слезы и вдруг он понимает: мама уже не очень молодая, как он думал прежде.

— Мама, — он хватается за руку. — Мама, ты сейчас каждый день приезжай ко мне. Хотя нет, не надо. Меня в пятницу уже выпишут... — Андрюс изо всех сил старается повернуть разговор, чтобы мама не думала о ссоре с бабушкой и не ругала себя...

Из больницы Андрюса забирает та же молоденькая фельдшерица. У нее были дела в райцентре и она зашла за ним. Трясаясь в полупустом автобусе, Андрюс никак не может поверить, что бабушка уже не встретит его дома. Не может этого быть! Чепуха все это! Сейчас он приедет и первым делом зайдет к ней. Бабушка отвернется от печки и обнимет его. Потом усадит за стол и принесет тарелку со свежими булочками.

Но чем ближе к дому, тем меньше у него остается фантазии, хотя он изо всех сил старается себя обмануть. А вот и дом. Андрюс быстро проходит через двор. Открывает скрипучую дверь веранды и на носках, никем не замеченный, пробирается в бабушкину комнату.

— Бабушка, — несмело зовет он.

От звуков его голоса в доме становится тихо-тихо. В другой половине дома скрипит дверь чуланчика. К Андрюсу подходит отец. Он поднимает сына с пола и крепко прижимает его к груди.

А Андрюс хочет только одного: чтобы отец держал его так долго-долго и никогда не отпускал.



Марк ВЕЙЦМАН

МЕНЯ ПРИКРЕПИЛИ К ПЕТРОВОЙ

Меня прикрепили к Петровой.
Я все объяснил ей как мог.
Петрова сказала сурово:
«Спасибо за то, что помог»,
в портфель зачихнула скакалку,
махнула рукой и ушла.
И стало мне скучно и жалко,
что все она вмиг поняла.

СТАРАЯ ПАРТА

В желтых опилках сухая трава,
старые парты пошли на дрова.
Вот я за новою партой сижу,
ручку держу, а писать — не пишу,
что там проходят, понять не спешу.
Что-то мне жарко и в горле — комок...
Над кочегаркой
вьется
дымок...

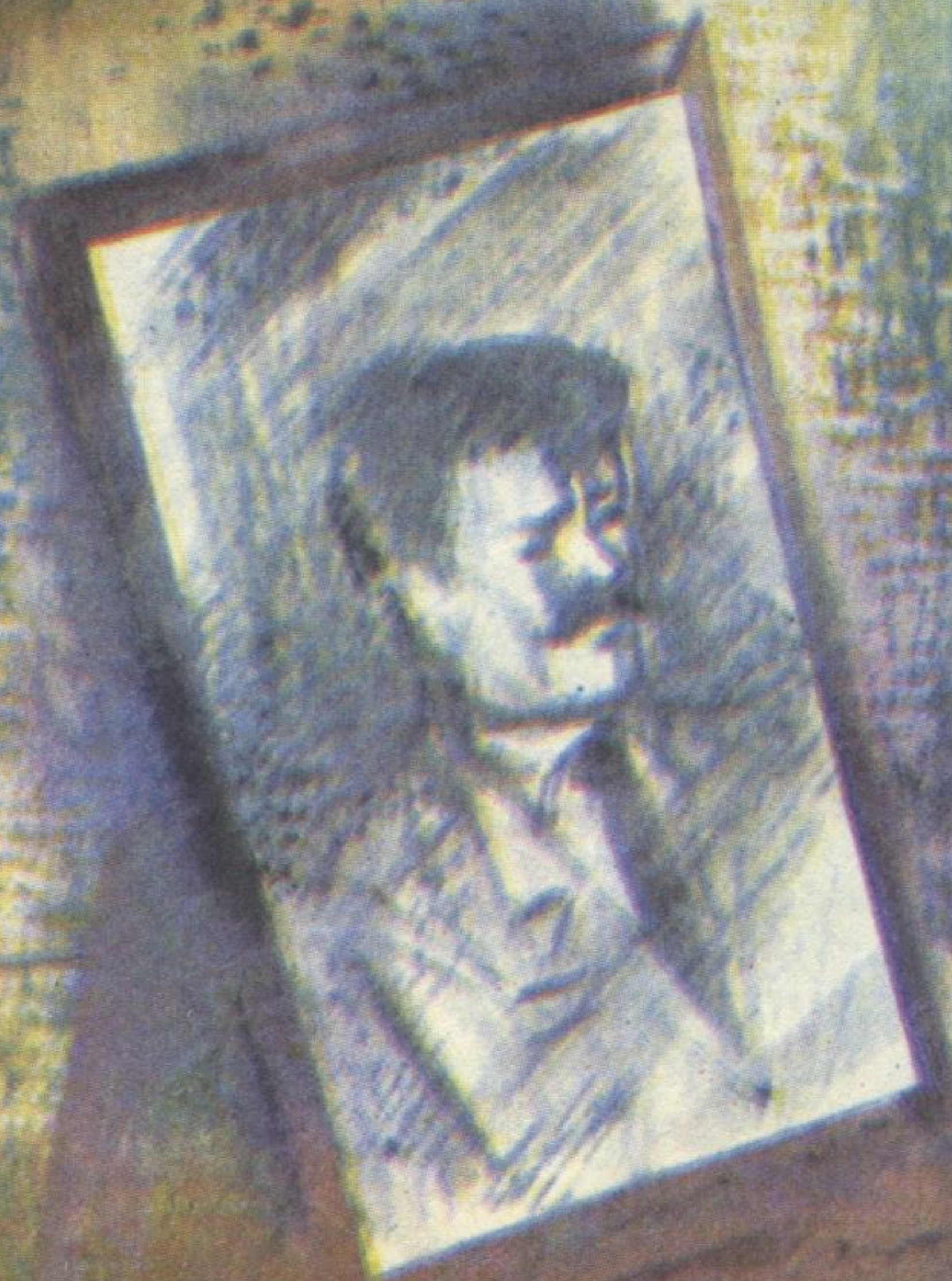
ОТЕЦ

Он зимой в Днепре купался,
как влитой, сидел в седле,
и всегда он мне казался
самым сильным на земле.

...Дышит хрипло он и тяжело.
Мне неловко оттого,
что теперь я даже в шашки
стал обыгрывать его.

Шутит он, чтоб скрыть досаду,
а в глазах — такая грусть...
Может, мне поддаться надо?
Пусть он выиграет.
Пусть!

Рисунок О. Филиппенко



ПИОНЕРСКИЙ ДОЛГ

Абдульахад родился в семье учителя, в маленькой афганской деревушке Султан-Хейль, что находится неподалеку от города Тогаба. Одним из первых в своей школе он вступил в пионеры. За мужество и находчивость, проявленные в борьбе с контрреволюционерами, Абдульахад был награжден путевкой в нашу страну — во Всесоюзный пионерский лагерь имени В. И. Ленина «Артек».

Сладок предутренний сон. Кажется, нет такой силы, чтобы смогла поднять в столь ранний час мальчика. Да и не мудрено так крепко спать — день накануне у него выдался трудный. Сначала — школа, до которой от селения почти пять километров ходу. А после уроков — пионерский сбор. Принимали в пионеры трех его друзей: Джамиля, Акбара и Шамсуддина.

Закончился сбор, все разошлись по домам, а Абдульахад еще два часа совещался с друзьями. Как самому опытному пионеру, сбор поручил ему взять шефство над новичками. Вот и думали сообща, как сделать это шефство полезным для всех.

А потом до самого вечера они гоняли мяч на спортивной площадке. И потому утром не услышал мальчик выстрелов, разбудивших селение, испуганного шепота матери: «Душманы! Душманы!..»¹,

ударов в дверь... Он проснулся, когда в дом ворвались бандиты и обрушились с кулаками на отца.

Абдульахад соскочил с постели и бросился на врагов. Но его отшвырнули в угол, связали и заткнули рот кляпом.

Над избитым до бесчувствия отцом склонился главарь банды.

— Это тебе урок, дорогой учитель! — процедил бандит. — Тяжки твои грехи — вовек не расплатишься. Но у тебя есть сын. Он поможет вернуть тебе честное имя мусульманина. Мы забираем мальчишку с собой!

«Тяжким грехом» считали душманы то, что отец Абдульахада учил крестьянских детей грамоте...

Ночь Абдульахад провел в пещере далеко от родного селения. Здесь, в логове бандитов, он встретил еще семерых ребят. И среди них Джамиля и Акбара. Они рассказали, что бандиты хотят переправить всех мальчиков за границу, в Пакистан. А вот зачем — никто не знает.

Абдульахаду удалось подслушать, о чем разговаривали душманы, и выведать, для чего вдруг им понадобились ребята.

Он разбудил своих друзей:

— Из нас хотят сделать предателей! Сначала научат стрелять, а потом отправят в душманскую банду.

— Я не пойду с ними, — твердо сказал Джамиль. — Лучше умру, чем стану душманом!

Его поддержал Акбар, но Абдульахад не согласился:

— Вы забыли, о чем клялись на пионерском сборе? Помогать народной власти бороться с бандитами! Это наш долг. И выполнять его надо, где бы мы ни были. Даже

в плену. Если умрем в этой пещере, наша смерть ничего не даст, не поможет выловить душманов... Я предлагаю подчиниться бандитам... А когда будем на родине, все расскажем царандою².

Долго спорили ребята в ту ночь. Все же Абдульахаду удалось убедить друзей: сейчас важнее смириться, исполнять все приказы врагов. И ждать удобного случая вернуться домой...

Бандиты переправили Абдульахада и его товарищей в специальный лагерь по подготовке диверсантов и шпионов. Этот лагерь находится возле пакистанского города Пешавар.

В лагере друзей разлучили, и больше они не виделись. Лишь однажды Абдульахад случайно встретил Акбара. «Держусь!» — успел шепнуть Акбар.

Первые две недели душманы запугивали ребят. Это называлось «психологической обработкой». Абдульахада били, подолгу держали без воды и пищи, будили среди ночи и заставляли зубрить Коран, полагая, что религия сделает из пионера послушного фанатика. Каждый вечер лагерь оглашался пронзительным криком муэдзина: «Аллах велик!.. Идите на молитву! Идите ко спасению!..» После этого надсмотрщики гнали всех в мечеть.

Абдульахад стойко переносил побои и унижения. Когда было особенно тяжело, вспоминал родное село, мать и отца, свой пионерский отряд... Эти мысли помогали терпеть.

Однажды к нему пришел высокий мужчина в костюме защитного цвета, с гладко-

¹ Так называют контрреволюционеров, которые ведут тайную войну против Демократической Республики Афганистан. Душманам помогают США и другие капиталистические государства.

² Народная милиция Афганистана.

выбранным лицом и аккуратным пробором на голове. Это был американский инструктор. В лагере его побаивались. Инструктор слыл специалистом по стрельбе и рукопашной борьбе. Звали его мистером Дейвом.

Американец долго вглядывался в мальчика, словно хотел заморозить взглядом своих холодных совиных глаз. Потом щелкнул пальцами: «Гуд!» и вышел из каморки.

Для Абдуляхада начались новые испытания. Душманы решили, что сломали волю мальчика, сделали его послушной машиной. Теперь дело за специальной подготовкой...

Четыре месяца его учили стрелять из различного оружия, закладывать мины на дорогах, записывать шифром донесения... Курс шпионской и диверсионной «науки» он проходил под руководством все того же мистера Дейва.

Но вот учеба окончена. В бараке, где расположился штаб душманов, собрались инструкторы и главари банд.

— Повтори задание, — приказывает Абдуляхаду бородач в богатой чалме и отутюженном френче. Бородача в лагере называли Хозяином. Он появлялся только тогда, когда уходила на разбой очередная группа душманов.

— Где будет главный тайник?

— Назови пароль для связи?

— Адрес явочной квартиры? Имя связного?

— Как подойти к тайнику на базаре в Тогабе?

Абдуляхад добросовестно ответил на все вопросы. В городе ему надлежало связаться с местным контрреволюционным подпольем и выполнять его распоряжения.

Ярко светит весеннее солнце. Уже распустились персики и алыча. Розовато-белые деревья, будто букеты на столе, приукрасили улицы Тогаба. Два таких букета торжественно застыли у здания городского комитета партии. Абдуляхад с наслаждением вдыхает аромат алычи. Никогда в жизни, кажется ему, не вдыхал он аромата вкуснее!..

Три часа рассказывал мальчик о своих злоключениях. Рассказывал не спеша, стараясь не упустить ни одной мелочи. Вспомнил все явочные квартиры душманов в городе, пароль для связи, тайники с оружием, описал место, где обосновали душманы свой лагерь, и тропу, по которой они переходили границу...

Когда закончил рассказ, из-за стола поднялся секретарь комитета партии и обнял Абдуляхада.

— Спасибо тебе, сынок! — сказал, волнуясь. — Ты настоящий пионер!

Контрреволюционную подпольную банду в Тогабе раз-

громили. За помощь революционной власти Абдуляхада послали в Кабул, столицу Афганистана, где он никогда не был.

Многолюден Кабульский аэропорт в утренние часы. Среди толпы пассажиров мелькают торговцы сладостями, водой, орехами. Крестьяне с котомками и узлами бредут по залу, натываясь на газетные киоски и лавки с сувенирами. Солдаты курят у распахнутого настежь окна...

Двое из солдат, стоявших особняком, показались Абдуляхаду знакомыми. Где-то он их видел... Но где?

Вспомнил! В лагере под Пешаваром!.. Страшная догадка бросила в жар: значит, это переодетые душманы?!

О своих подозрениях Абдуляхад рассказал сотрудникам аэропорта. Солдат арестовали. Они на самом деле оказались бандитами.

Судьба... Какие только испытания не преподносишь ты человеку! И как важно выстоять, остаться верным своему долгу.

Верит Абдуляхад, что и его товарищи, все мальчишки, которых душманы пытаются заставить бороться против Демократической Республики Афганистан, останутся верными родине, народу.

Виктор РЫБИН



В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО

Уважаемая редакция! История, которую я хочу рассказать, очень мне дорога.

Мой отец погиб в бою с фашистами во время Великой Отечественной войны. Мать умерла в 1949 году. И остались мы втроем сиротами: Катя, Леша и я. Брат и сестра были младше меня, а я училась в седьмом классе. В то трудное для всех время, когда было много обездоленных семей, нас не оставили в горе. Школа, соседи — кто делом, а кто добрым словом, — все помогали. Никогда не забуду, как горсобес — городской отдел социального обеспечения — выдал нам с братом Лешей валенки — одни на двоих.

Но во все времена рядом с добрыми людьми находятся и корыстные людишки. Короче, эти новые валенки у меня выманили за буханку хлеба. А город-то был тогда невелик, и слух об этом сразу же по нему разнесся. Узнал о случившемся и заведующий горсобесом Иван Викулович Садков, наш однофамилец.

И вот вызывает он меня, как старшую, к себе в кабинет. Пришла, стою в коридоре, а ему все некогда — то один, то другой с бумагами заходят. Так и обеденный перерыв наступил. Думаю, теперь, значит, после обеда примет. Но тут открывается дверь, он сам ко мне выходит и говорит: «Заходи!»

Сделала я два шага в кабинет и — ни с места, чувствую, ноги не слушаются. Взял он тогда меня на руки, поднял к потолку, а потом на кожаный диван посадил. После этого достает свой обед: соленый огурец, две картошины в мундире и кусок черного хлеба. Разделил все это на две части и одну ко мне подвигает: «Ешь!» Затем налил кипятку в стакан, дал сначала мне, а потом сам попил.

«Ну вот, — говорит, — будем считать, что пообедали. А теперь о деле. Значит, валенки продала?»

Молчу. Да и что ответишь, если и так все знает: кому и за сколько.

Но тут снял он меня с дивана, открыл крышку и достает другие новые валенки: «Можешь не примерять! И на глаз видно, что велики. Но меньше размера на складе сейчас нет, сам проверял». И еще вынимает зимнее новое пальто: «Это — для брата. Смотри — берегите!»

...С тех пор прошло много лет. А недавно еду в автобусе и вижу: сидит у окна кто-то знакомый. Пригляделась — да ведь это же Иван Викулович. Но в автобусе было много пассажиров, и я постеснялась к нему подойти, чтобы еще раз сказать спасибо за те валенки. Конечно, я бы хотела ему написать, но, к сожалению, не знаю адреса. А в дет-

скую редакцию пишу потому, что Иван Викулович очень любит детей. В этом я убеждена. Его подарок я никогда не забуду.

Е. Н. САДКОВА, медсестра,
Череповец

По просьбе редакции юнкор «Барабана» Ира Ромина разыскала в Череповце бывшего заведующего горсобесом Ивана Викуловича Садкова. О себе он рассказал коротко. Член Коммунистической партии с 1924 года. Участник Великой Отечественной войны. Был тяжело ранен. Потом трудился на мирном фронте...

На вопрос: помнит ли он историю с девочкой Женей Садковой, своей однофамилицей, Иван Викулович ответил: «К сожалению, не припоминаю. В ту пору было много ребят, которым надо было помочь. И мы старались сделать все, что в наших силах».



РИФМА К СЛОВУ „ОТЛИЧНИЦА“

Игорь ЛИНЧЕВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок В. Топкова

Отец Борьки Демченко считает — чем раньше от работы освободишься, тем спокойней себя чувствуешь. Кончил дело — гуляй смело. Народная мудрость. А чтоб кончил дело и за новое брался — на такое только мой папа способен.

Возвращается с работы на ощупь. Дороги не видит, несет перед собой охапку калек и чертежей. В звонок подбородком позвонил! Мы с мамой расступились в стороны. В комнату прошел, на диван все ссыпал. От ужина отказался.

— Лучше вот что, — маме говорит. — Заварю тебе кофе, Нинуля, в большой термос кофе...

— Нет! — отрезала мама. — Ночью спать надо. Посмотри на себя внимательно! Щеки ввалились, под глазами синяки!.. Тебе уже не двадцать. Сейчас я Кириллу позвоню. Если он не понимает — я ему глаза раскрою! Он же тебя заездил!..

— Кирилл?! — папа кричит. Ладонью на телефон облокотился. — Если хочешь знать — Кирилл в миллион раз больше меня делает! Я у него это, — на кальки свои кивает, — еле выцарапал! С обеда ругался.

Нашел оправдание — начальник больше делает. На то он и начальник, чтоб делать больше. Небось, спихнул на папу самое трудное, а папа нас утешает. Пускай теперь дядя Кира придет со своим Стасом — Стас у меня весь вечер старые учебники разбирать будет: я его на три года старше, значит, я и начальник.

Папа нас утешает, делает вид, будто доволен очень. Кальками, как фотографиями родных и близких, любит. Развернул самую огромную, маме показывает.

— А? — восхищается. — Каково?! — ко мне повернул. — Представляешь? — говорит. — Уникальная штука.

«Штука» выглядит жутко — лабиринт. С ковер величиной.

— Такой интересной работенки, — говорит мечтательно папа, — у меня сто лет не было, и еще двести не будет.

Кого обмануть хочет? Мы с мамой его насквозь видим.

У Борьки Демченко отец, между прочим, тоже со схемами дело имеет. Он на электронно-вычислительной технике работает. Так он домой не схемы таскает — ему машина картины рисует! «Мадонну» Рафаэля цифирьками нарисовала, портрет Винни-Пуха — буквочками малюсенькими... Естественно, я Борьке завидую. Ну, куда это годится — Первого мая все люди как люди, на демонстрацию семьями в полном составе идут, — мы с мамой как обворованные — вдвоем. Ни тебе без очереди лимонадику попить, ни в трамвай первыми влезть — кто будет с очередью сражаться и нас в трамвай подсаживать? Папа-то дома сидит. Опять с «интересной работенкой» один на один.

...Вообще, что такое «интересно»? Интересно — это когда не оторваться. Скажем, стихи писать интересно. Ищешь-ищешь рифму, смысла слов уже не понимаешь — все ищешь. А работа она и есть работа...

Домой приходим — усталые, жажда мучит, «раскидая» не купили, — в квартире не продохнуть. Накурено, шторы на окна задернуты. Дым и мрак. На улице — грибной дождь, а отец шторы задернул. Сидит, как Соловей-разбойник в дупле, глаза блестят.

— Тут, — говорит. — Тут-то и загвоздка, — карандашом по бумаге стучит. — Весь блок надо было менять. Лопухи...

Нас не видит, хотя мы — вот они, башмаки на батарею ставим!

Салату поели, телик посмотрели — вот и праздник...

...Папа вдруг взглядом за что-то в схеме зацепился — нас утешать перестал. Бормочет:

— Вот-вот-вот-вот...

На корточки сел перед диваном. Закурил, пепел на пол падает. На желтом паркете — седые пепельные кляксы. Мама пепельницу на кальку поставила — папа аж на ноги вскочил от возмущения. Рот открыл, воздух глотнул — схватил пепельницу двумя пальцами, из комнаты выбежал. Чего он так трясется над этими кальками? Как будто они — музейная ценность, будто из золота сделаны — прямо не дохни на эти кальки. Я как-то у одной уголок оторвал — крохотный! — у ручки шариковой стержень заткнуть, что было-о! Два дня в восемь часов спать ложился. Чтоб папу своим обликом не нервировать.

Вернулся — уже без пепельницы и без папиросы, лицо от гнева красное. Мама боится в его сторону взглянуть, переставляет тарелки на столе, вилки с ложками местами меняет: то ложку слева положит, то вилку, то все направо перекладывает.

Папа остывает постепенно. К маме подошел, в щеку целует.

— Завари кофейку, Нинуля, — снова просит. Выбрал момент, когда мама ему отказать не может, когда она виноватой себя чувствует.

Я им не мешаю, в комнате остался, пусть помирятся окончательно. За свои дела взялся.

Есть у меня дело одно. Не дело, а скорбный труд. Неделю назад Катке Горячевой обещал стих написать. Две строчки есть, надо еще две. Никак к слову «отличница» рифму не придумать. Всю неделю — «яичница» на языке вертится. При чем тут яичница? А я — такой! Если дал слово — сделаю. Ясно же — русский язык богатый и могучий, наверняка кроме «яичницы» что-нибудь имеется.

Представил себе яичницу — как живую. Сковорода, на сковороде три яйца шкворчат-потрескивают, на желтках соль пятнышками. Бери вилку и ешь...



Не в ту сторону мысли текут. Со стула встал, к окну подошел. Сверху за стеклом сосульки длинные висят. Будто с четвертого этажа разнокалиберные ледяные Буратино носы свесили. Я самый длинный нос отломил. Сосулька в руке таять стала, вода на паркет капает.

«...Ледышница, песочница, чернильница...»
Совсем мозги не работают...

Мама в комнату заглядывает.

— Как! — изумляется. — Ты не спишь?!

— Шесть секунд! — ее умоляю.

— Господи, — мама раздражается, — хоть ты-то перестань меня доводить. Спать сейчас же. У тебя завтра политинформация.

Точно. Политинформация. Забыл абсолютно. Что делать? Лег спать. Лежу на холодной простыне, сна и в помине нет. Бодрость ощущаю невероятную. Год могу не спать, только завтра не проснуться будет.

Как люди целые книги пишут — ума не приложу. А тут бьешься над двумя строчками, бьешься... В лепешку разобьюсь, но придумаю. «...Чулочница, носочница, сыщица...» Через некоторое время стало казаться — голова от напряжения сплющивается. За стенкой тахта скрипнула — мама спать улеглась. Она засыпать умеет в одну секунду, просыпаться — в две. Будильник зазвенит, она потянется, глаза откроет. «Дмитрий, — уже говорит, — ты почему не в школе?» Удивительная способность, мне бы так.

Лежу — бодрость все прибывает и прибывает, внутри от бодрости все гудит. Мучения испытываю — ни с чем не сравнимые. «Довольно! — про себя скажу. — Никаких рифм, хорошенького понемножку», а сам все равно думаю.

Вскочил с кровати, к папе на кухню прибежал.

— Папа! — говорю. — У меня стих не получается.

— Так это и хорошо, — папа уныло говорит. — Когда сразу получается — неинтересно. Интерес проснуться не успел — у тебя уже готово.

— Когда долго не получается, интерес опять засыпает, — говорю я.

— Н-да, — папа тусклым голосом говорит. — У меня что-то тоже не очень...

Кофе из кружки отхлебнул, в схему смотрит — морщится, будто зуб простудил. Опротивела она ему, без слов понятно. Мне тоже стих мой опротивел.

Папа перед собой рукой помахал — дым разогнал, чтоб меня лучше видеть.

— Сын, — серьезно говорит. — Самое главное в жизни — научиться смотреть правде в глаза. Если ты — бездарь, имей мужество вслух сказать: «Я — бездарь». И нечего трепаться.

— Я не бездарь, — говорю. — Я просто слов мало знаю.

— Да я не про тебя, — папа вздыхает. — Я — вообще...

— А-а, — говорю. — Тогда верно. Вот Веня Вербовский любит смелость свою рекламировать. «Мне, — говорит, — хоть что. Хоть контрольная, хоть самостоятельная. Хоть Галина Максимовна, хоть Маргарита Ивановна. Хоть завуч, хоть директор. Сказано, гуляю физику, сделано — гуляю физику...» Перемена кончается, смотришь — первым в класс заплывает. Заплывет да еще и замечание за болтовню на уроке отхватит. Знаменитое трепло.

— Он не трепло, а лоботряс, — папа говорит, окурки в мусоропровод вытряхивая. Снова за стол сел, из кружки кофе отхлебнул. — Понимаешь, — говорит. — У каждого человека должно



быть любимое дело. Для тех, у кого его нет — жизнь скучна и бесцельна. Высшее счастье, когда любимая работа ладится, и горе-горькое, когда с ней не справиться. Вроде безответной любви: ты работу любишь — она тебя нет... Ты уже влюблялся? — спрашивает.

— Пока нет, — говорю, — но собираюсь.

— Чтобы работа тебя любила, — папа говорит, — ее любовь, как и всякую любовь, надо заслужить. Вы с мамой на меня дуетесь за то, что я в будни и в праздники с бумагами сижу...

— Никто и не дуется...

— Брось!.. А я эту самую любовь заслужить пытаюсь. Любимую работу с бухты-барахты делать не станешь? Готовишься к ней, как к празднику... Вот тебе и праздник, — неожиданно закончил папа.

— Пап, — говорю, — у меня так часто бывает, тужишься-тужишься — дальше названия стих не идет. А потом вдруг само выскакивает.

Давно мы так не разговаривали. Я папу внезапно понял. Если ему надо — пусть хоть кругло-суточно работает, лишь бы так не переживал. В конце-концов, мы с мамой не так уж и плохо время проводим. И на демонстрацию первомайскую отлично сходили. На трамвай не сели, зато пешком к дому шли, мама по дороге про все дома старинные рассказывала: кто архитектор, что здесь раньше было. Разве представилась бы такая возможность в трамвае? А вместо «раскидай» свисток купили — в форме петуха. «Раскидай» давно бы порвался-раскрошился, петух же — глиняный, до сих пор стоит на серванте — свисти сколько хочешь.

В коридоре шаги раздаются.

— Вы с ума сошли, — мама говорит, от света щурясь. — Третий час...

Папа голову резко повернул, смотрит на нее как на привидение.

— Третий, — шепчет. — Третий!!! — схватил карандаш, мигом всю схему исчеркал. Кончил чиркать — карандаш пополам, в форточку метнул.

— Ур-ра-а! — кричит.

Маму на руки поднял, по кухне носится.

— Слава! — мама притворно сердится. — Ты же меня уронишь! — а сама рада-радешенька.

— Я же говорил — само выскочит! — я кричу. Угомонились, я про свой стих вспомнил.

— Никаких стихов! — мама говорит. — Пропиши завтра все на свете.

— Еще пять минут — и на боковую, — папа ей пообещал. — Читай, — говорит мне, — что у тебя уже написано. Стихи — это же раз плюнуть. Сейчас придумаем.

— «Я — стопроцентная отличница, — читаю наизусть свой стих. — Я схватываю все на лету...» «На лету» у меня рифмуется с «...и скоро в классе я всех перерасту», — объясняю, — а «отличница» — хоть тресни — не рифмуется. Рифму бы найти — остальное я сам бы досочинил...

— Дай слово, — требует мама, — если папа рифму придумает — ляжешь спать.

— Как же! — говорю. — Мне из-за рифмы и не заснуть.

— Держи, — папа без раздумий говорит. — Отличница — яичница! С плеч долой — из сердца вон. Рифма есть, остальное завтра допишешь.

— Живо спать, — мама мне приказывает, за руку из кухни тянет.

— Па-ап, — я упираюсь. — Ну па-ап!!!

— ...Это мне — раз плюнуть, — папа бормочет. — Я в школе тоже стишатами баловался.

А сам на схему глядит не наглядится.

ОТ ВРЕМЕН
СТАРИННЫХ



СКАТЕРТЬ С АЛЫМИ ПЕТУХАМИ

Танюшка часто бегала в поле за околицу смотреть на лен. Сначала стоял он весь в цвету — синий-синий, как море. И если к вечеру холодало, то хотелось эти цветочки взять в ладошки и согреть. Ближе к осени лен позванивал под ветром семенными коробочками, как бубенцами.

— Хороший нынче лен, — говорили в деревне, — седой, высокий.

Танюшка запомнила: чем длиннее стебли — тем лучше, больше будет волокно. В конце августа вышли на поле длиннохвостые комбайны, принялись вытягивать лен из земли. Терebilки отделили стебли от семенных коробочек. Из семян на заводе делают льняное масло, ну а стебли оставили пока на земле. Лежали они серебристыми волнами, вылеживались в холодных августовских росах, чтобы стать упругими и прочными.

Однажды мама разбудила Таню пораньше.

— Вставай, Танюшка, пойдешь с сестрой в поле. Пора лен подымать.

Вышли сестры из дому. А в поле полно ребят, которые пришли помочь взрослым.

— Ты снопы вяжи крепче, аккуратнее, — наставляет Таню сестра Надя.

Поднимает Таня одной рукой длинные стебли, перетягивает их покрепче жгутом. Ставит сноп к снопу — растет копешка. Другая, третья... Потом стали грузить их в кузова машин. Нависли над кабинами огромные желто-серые возы. Покачиваясь, выходили они на дорогу, направлялись на льнозавод.

Там, на заводе, льняные стебли будут обрабатывать: вымачивать, трепать, чтобы волокно стало мягче, удобнее для прядения. Ну, а уж после повезут его в Смоленск, на знаменитый по всей России льнокомбинат. Там работает и самая старшая Танюшкина сестра — Люба.

Вот поэтому, провожая глазами уходящие с поля грузовики, Таня думала: «Интересно, а узнает ли Люба наш починковский лен?»

...Рано утром Люба торопится на работу по горбатым смоленским улицам. А в ворота комбината въезжают машины, в кузовах громоздятся огромные тюки.

— Откуда лен? — спросила Люба шофера.

— Из Ельнинского района, — ответил тот, а Люба обрадовалась, будто письмо из дома, из Сухого Починка получила.

Пока она переодевалась, принимала у сменщицы станки, на складе заготовительного цеха выросла уже целая гора, и лен начал свое путешествие по участкам комбината, через сотни рук рабочих разных специальностей.

Сначала его чесали огромными механическими гребнями. Похожий на девичью косу в руку толщиной, ложился лен в большие бочки. Потом волокна сортировали по длине, добавляли для прочности лавсановую нитку. Машины крутили лен, тянули. После каждой операции коса становилась все тоньше и тоньше, пока не превратилась в ровницу, которую можно отправлять в прядильный цех.

На прядильном производстве как раз работает Люба. Цех всегда встречает ее грохотом, горячим, влажным воздухом. В ряду других машин Любины станки вроде бы ничем не отличаются, но она сама знает наверняка, что у каждого из

360 ее веретен свой характер. Гудит станок, сползает с толстых бобин серая ровница, вьется на веретенах, превращаясь в тонкую нить. Все время льется на нее вода, чтобы нить была упругой и прочной. За эту прочность лен и ценят. Ведь он в два раза крепче хлопкового волокна, в три раза — шерстяного. Об этом люди знали давно — археологи находили льняные ткани на мумиях египетских фараонов.

Люба ходит вдоль рядов веретен. Ставит полные бобины взамен опустевших, снимает тонкие шпульки с готовой пряжей. Вдруг... стоп, замерло веретено, нитка оборвалась. Люба мгновенно ее связала («присучила», как говорят прядильщицы) и снова зазвенела, купаясь в воде, серая струна. На то, чтобы соединить разорванную нитку, норма отпускает только семь секунд. Попробуйте, как у вас получится? Любе хватает пяти секунд. Каждое сэкономленное мгновение обрачивается лишними граммами пряжи. И получается, что в конце смены увезут от Любиной машины примерно 140 килограммов отличных льняных нитей.

И катятся шпульки с нитками дальше по цехам. Красильный. На больших подносах серые бобины опускают в чаны с краской, и достают их оттуда зелеными, красными, синими.

Мотальный участок. Пряжу перемотали на удобные для ткацких станков шпульки. Теперь их можно отправлять в следующий цех.

Чтобы соткать полотно, нужно сначала сделать основу. Для этого есть специальные машины. Бегут, бегут по ним нитяные ручейки, сливаются на валу в широкую реку-навой. Попадет навой на ткацкие станки, и застучат они каждый свою мелодию. «Так-так-так» — под стать мелодии каждый делает свою ткань. На одних станках она получается белой, гладевой. На других — с цветным узором. Над ними тянется бумажная перфолента — программа. Теперь ткачу не надо помнить, когда, какую нить вплести. Об этом заботится сама машина, рисуя узор по программе, таким, каким придумал его художник. А у заводских художников фантазия богатая. Каждый год сочиняют они для своих тканей новые расцветки, новые рисунки. Попробуй удержи их все в памяти без программ.

В ткацком цехе производство льна не заканчивается. Готовые полотна еще надо отмыть, высушить, выгладить. На белую ткань набить рисунки. Словом, сутки уходят на то, чтобы колючий лен стал нарядным, ярким полотном. Раньше в деревнях, пока на помощь людям не пришли станки и механизмы, этот процесс занимал почти год — от осени до лета.

...В воскресенье прядильщица Люба приехала в гости к сестрам в Сухой Починок. Родные обступили ее, тормозят, расспрашивают.

— А у меня для вас подарок, — улыбнулась Люба и достала из сумки сверток. Развернула, набросила на стол. И увидели все льняную скатерть с веселыми алыми петухами.

— Узнаете наш починковский лен?

Н. СЕРГЕЕВА



Продолжение следует...

«...Моя покойная мать Лидия Христофоровна Гоби-Шнитникова (подпольная кличка — Ирина) была членом боевой группы при ЦК РСДРП. Весной 1906 года на ее даче под Выборгом в поселке Пикирумки в течение нескольких дней находился В. И. Ленин...»

Прошу сообщить мне, имеется ли у Вас материал, касающийся дачи Л. Х. Гоби в поселке Пикирумки и пребывания там В. И. Ленина.

С уважением Л. В. Шнитникова».

Письмо пришло в адрес пионеров-следопытов Ленинградского Дворца пионеров. И не случайно: они много лет занимаются поиском мест, где бывал Владимир Ильич Ленин, людей, которые его знали, документов, фотографий...

Ребята начали поиск.

А вот какие трудности встретились на их пути и нашли ли они в конце концов историческое место, ты узнаешь, если прочтешь книгу — «Поиск доверен юным».

В книге еще много удивительных и редких историй — и все они о поиске дорогих нам ленинских мест, реликвий, документов.

Книгу выпустило ленинградское отделение издательства «Детская литература» в 1983 году. Автор ее, Григорий Усыскин, сам же и руководил (и сейчас руководит) поиском ребят.

Оформление книги сделано с большой выдумкой: на страницах — ценнейшие иллюстрации, выполнены они черной и светло-коричневой краской. Зачем? И только внимательно просмотрев их все и прочитав книгу, понимаешь: «Да тут большой смысл! Светло-коричневые фотографии и рисунки — старинные иллюстрации, они как бы выцвели от времени... А черные, четкие — это все современные, сделанные в наши дни».

Последний рассказ в книге называется «Продолжение следует». Это потому, как вы и сами догадываетесь, что поиск не окончен, как никогда не может быть совсем окончено любое настоящее и большое дело. Следопыты продолжают свою интересную и важную работу, отыскивая неизвестные страницы в биографии великого вождя.

Олег ОРЛОВ



МОРСКАЯ ГАЗЕТА



Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 27-й



нравится! Здесь всегда интересно. Можно многое узнать. Здесь проходят соревнования по перетягиванию каната. И еще нас старшеклассники здесь никогда не обижают...»

А начальник клуба Игорь Петрович мне на прощанье сказал:

— Наше самое большое желание, чтобы ребята стали настоящими людьми! Здесь они сдружились, научились понимать и уважать друг

Наше большое желание

Плавали на танкере «Баку» два моряка, два друга — Эдуард Николаевич Виль и Игорь Петрович Сергиенко. Пришло им время уходить на берег. Поселились они в городе Юрмала. И хоть город был у моря, но не хватало чего-то старым морякам... Как жить без палубы, без привычного корабельного распорядка, без матросов? Так и стал Игорь Петрович начальником клуба юных моряков, а Эдуард Николаевич — его помощником... А корабельная палуба? В клубе юных моряков «Румб» — несколько настоящих кораблей: и большой морской катер — отслуживший свое сторожевик, — и яхты. А как с корабельным распорядком? В клубе — все как на настоящем корабле: и распорядок жизни, и полный морской порядок. А матросы? Матросы, правда, все юные — мальчишки и даже девчонки, — но настоящие, умелые, ловкие, знающие морское дело. Правда, узнают нелегкую морскую жизнь не сразу... И всякое порой случается...

Вот что мне рассказал семиклассник Сережа Политико, который занимается в клубе второй год:

— Швартовались мы как-то вечером в незнакомом месте. Когда подошли к берегу, катер с разгона ткнулся носом в грунт. Сошла команда с катера. Разбили лагерь на берегу. Переночевали. А наутро, когда стали сниматься с якоря, оказалось, что не можем отойти от берега. Мотор рычит, корпус трясется, а корабль словно прирос. Почва там была глинистая, вот за ночь наш «Румб» и затянуло. Хорошо, мимо проходил буксир. Он-то и оттащил нас на глубину. Впредь мы таких оплошностей не допускали...

А вот что мне рассказали четвероклассники Петя Шишов, Алеша Данилов и Слава Бритов: «Мы пришли в клуб недавно. В «Румбе» нам очень

друга. А если беда — нет надежней в беде товарищей, чем моряки. А еще мы хотим видеть наших ребят сильными и здоровыми. У нас они соревнуются в беге, гребле, плавании. Юра Бабиньян, например, в клубе научился плавать. И никто в клубе у нас не курит, тут уж мы с Эдуардом Николаевичем подаем всем пример...

В. ПАРФЕНОВ,
спецкор «Морской газеты»,
Юрмала,
Латвийская ССР



ЗА ПОМОЩЬЮ К ЛЮДЯМ

К людям за помощью приплыл кит. Его заметили около борта рыболовного судна. Кит высунул из воды голову, и рыбаки увидели: она обмотана обрывками крепких сетей. Рыбаки попытались баграми стащить сеть, но у них ничего не вышло. А кит терпеливо перенес все действия людей... Увидев, что у людей ничего не получается, кит нырнул и потерся головой о киль суденышка. Гигант предпринял маневр очень осторожно, так что судно едва качнулось. Освободившись от пут, кит стал на хвост и плюхнулся на спину. Это он проделал несколько раз. Можно было подумать, что кит радуется освобождению и хочет это показать рыбакам...

Самые-самые

Китовая акула



Рыба-меч



Рыба-крылатка



Носатая акула



Рыба-луна



Конкурс на «Самые-самые» состоялся среди морских рыб. Самой большой рыбой признана китовая акула. Она достигает двадцати метров в длину. Самой быстрой — рыба-меч. Скорость ее более ста километров в час! Самой красивой назвали рыбу-крылатку, ее называют также огонь-рыба, так необычайно ярки и красивы ее плавники — кроваво-красные, с переливами...

Самой странной посчитали японскую носатую акулу. На лбу ее — длинный вырост, похожий на нос. Для чего такой нос, пока никому неизвестно...

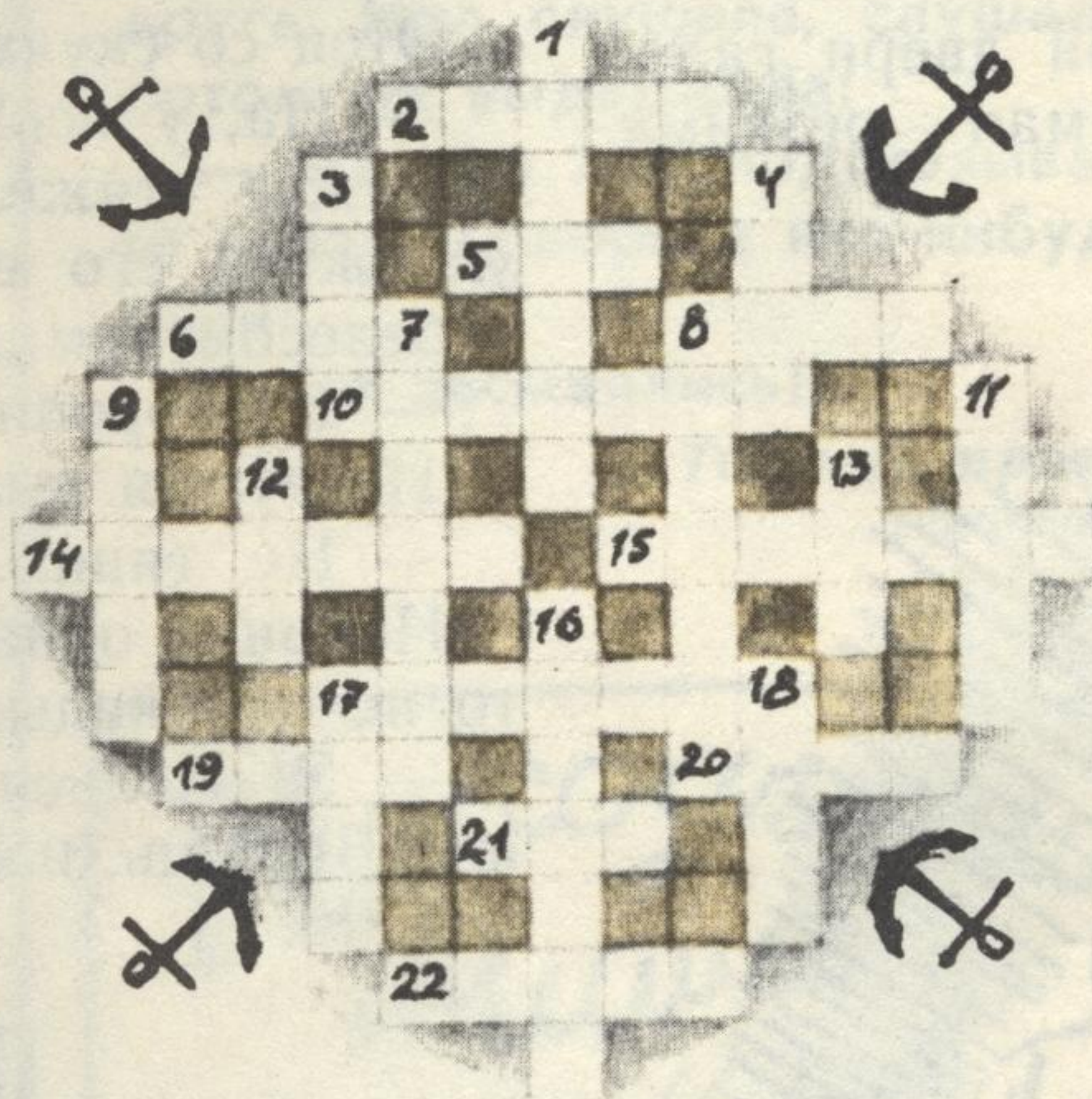
А самой ленивой объявили луну-рыбу. Она может, всплыв на поверхность, лежать часами без движения и дрейфовать по течению. Китобой рассказывают, что луна-рыба не просыпается, даже если ее ткнуть гарпуном. Кожа у нее такая крепкая, что и зубов хищников луна-рыба не боится...



С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

АВРОРА
Коля Владимиров,
Чебоксары

МОРСКОЙ КРОССВОРД



По вертикали: 1. Морской угломерный инструмент. 3. Современное парусное судно. 4. Главная продольная связь, являющаяся основанием судна. 7. Беспалубная лодка, употребляемая в Венеции. 8. Легкая гоночная гребная лодка. 9. Буря в море. 11. Растительный мир моря. 12. Большая волна. 13. Часть рангоута. 16. Соединение военных кораблей. 17. Название паруса. 18. Рабочая одежда матроса.

По горизонтали: 2. Вихрь. 5. Один из главных румбов. 6. Цепь, поддерживающая рею на мачте. 8. Отверстие в борту. 10. Морское судно. 14. Экипаж судна. 15. Маленький деревянный бочонок на шлюпке. 17. Легкое быстроходное судно. 19. Северо-восточный ветер, идущий с берега. 20. Военно-морское или сухопутное подразделение. 21. Снасть для подъема паруса. 22. Морской порт в Финляндии.

ЗАГАДОЧНЫЙ РИСУНОК

Что хвосты





А. ЛИСНЯК

ТРАВЯНАЯ СТРЕЛА

— Стрела, стрела, смотрите!

Из холма, чуть покачиваясь, торчит оперенная стрела.

Увязая в песке, подбегаю ближе, тяну...

С влажным скрипом вынимается она из своего зеленого колчана. Ее острие на свету тонкое, белое, слабое, в шелковистом оперенье полно крохотных семян — и мой боевой лук с тугой веревочной тетивой сразу кажется мне ничемным и грубым.

ПАРОХОД

У меня есть пластмассовый пароход. Одна труба сломана и подклеена, на ней так и остались выпуклые желтые натеки, твердые, как стекло.

Самая старая и самая любимая игрушка.

Он может плавать по песку, по траве, по паркету, по простыне, по скатерти, но в воде тут же переворачивается — признает только воображаемое!

ВАГОН

Вагон без окон, из его открытой двери галопом несется музыка, прерываемая резкими всплесками хлыста.



В пространстве света, протянутом оттуда, стоят парни и курят. Дым над ними ровно срезан тьмой.

— Что там?!

— Тир. Зайдем?

Отец в военной форме, я горжусь им. По сквозной, словно снящейся, лесенке, утонувшей в розовом бурьяне, я вхожу в вагон вслед за отцом.

На стойке лежат ружья, прикованные цепями.

А дальше, на освещенной сцене, нарисованная природа — перелески, река, небо — местность как будто даже знакомая... Из нее на штырьках торчат лоси, зайцы и утки, желтая мельница — все одинаковой величины.

Отец покупает пульки. Человек по ту сторону стойки отсчитывает их, словно сам с собой в шашки играет. У него жухлое, исклеванное лицо. Я за него почему-то боюсь, а вдруг заряд в него попадет? Хотя он, наверное, умеет здесь работать. Как-нибудь случайно. Ведь он по ту сторону стойки. Сразу делается не по себе.

Отец берет ружье, заряжает.

— Ты только осторожнее...

Отец с недоумением взглядывает на меня. Все вокруг настораживаются — будет стрелять военный!

Спина отца обтягивается кителем. Он стреляет. Лось, заяц и другие фигурки переворачиваются, мельница начинает вертеться, трясаясь и подпрыгивая, словно в припадке притворного отчаянья.

Отец со скучающим видом откладывает ружье.

— На, учись!

Ружье тяжелое, скользкое, темное, трудно удержать его в неподвижности, мушка плавает в белесом тумане.

— Не торопись...

Из ружья вылетает сильный воздушный хлыст.

— Не тани!.. Нужно точно момент угадать.

Наконец одна цель звонко цокает, но почему-то не опрокидывается.

— Э! Целься не в сами фигуры... Бери повыше! Видишь, над каждой фигурой — желтый кружок?!

ПОД ЛОДКОЙ

В углу двора стоит на козлах перевернутая лодка. Когда начинается дождь, мы прячемся под лодку.

Весь двор блестит и пузырится, а под лодкой пыль, сухая, шелковистая. Только там, куда угодили случайные капли, вздуваются в пыли черные бородавки.

Дождь свисает с бортов, как рваное стекло.

Границы нашей суши очерчены кипящим швом — стекающая с лодки вода отмежевала нас от всего на свете.

Мы сидим неподвижно. Под ребрами лодки дрожат от ветра паутинные перепонки.

Но вот шум дождя сделался мощным, сплошным, и я различил в нем разные голоса, которых не могло быть.

Шептали, всхлипывали, доказывали, умоляли...

Это дождь жил и не хотел исчезать!

Весёлый ЗВОНОК

Раздел ведет и оформляет Л. КАМИНСКИЙ

КОНКУРС



„И все засмеялись!“



На уроке биологии мы проходили бактерии. Ольга Петровна сказала:

— Бактерии нельзя увидеть невооруженным глазом...

А один ученик поднял руку и спросил:

— Это значит — на ощупь?

И все засмеялись.

Ира Ляпина,
7 класс,
Куйбышев



На уроке истории учительница сказала:

— Сегодня мы будем повторять пройденный материал. Наташа нам расскажет о смерти Юлия Цезаря.

С задней парты донесся голос:

— А Наташи тогда не было! Она болела!

И все засмеялись.

Ира Картабаева,
6 класс,
Златоуст



Как-то Иру вызвали отвечать стихотворение. Она начала бойко, потом остановилась и замолчала. Тут ребята ей стали подсказывать, перебивая друг друга. Ира слушала, слушала, потом не выдержала:

— Что вы все подсказываете сразу? Говорите кто-нибудь один!

И все засмеялись!

Таня Петрова,
Ленинград



На уроке физкультуры Павел Петрович сказал:

— Все лягте на спину. Теперь представьте, что вы едете на велосипеде. Делайте движения, как будто вы крутите ногами педали. Так, быстрее, еще быстрее! Миша, а ты почему перестал двигать ногами?

— А я съезжаю с горки! — ответил Миша, и все засмеялись.

Аня Андреева,
Ростов-на-Дону



— Кто построил египетские пирамиды?

— Археологи.



— Как гуси спасли Рим?

— Когда к городу приблизились враги, гуси заржали.



— Чем питаются лисицы?

— Сыром!



— Назови вымерших животных?

— Скелетозавр.



ОТВЕТЫ ПРИСЛАЛИ:

Алексей Андрус
(Лытарино Московской обл.),

Марк Волков
(Советск),

Света Жирнова
(п. Коноша Архангельской обл.),

Нелли Пильник
(с. Хрящевка Целиноградской обл.).

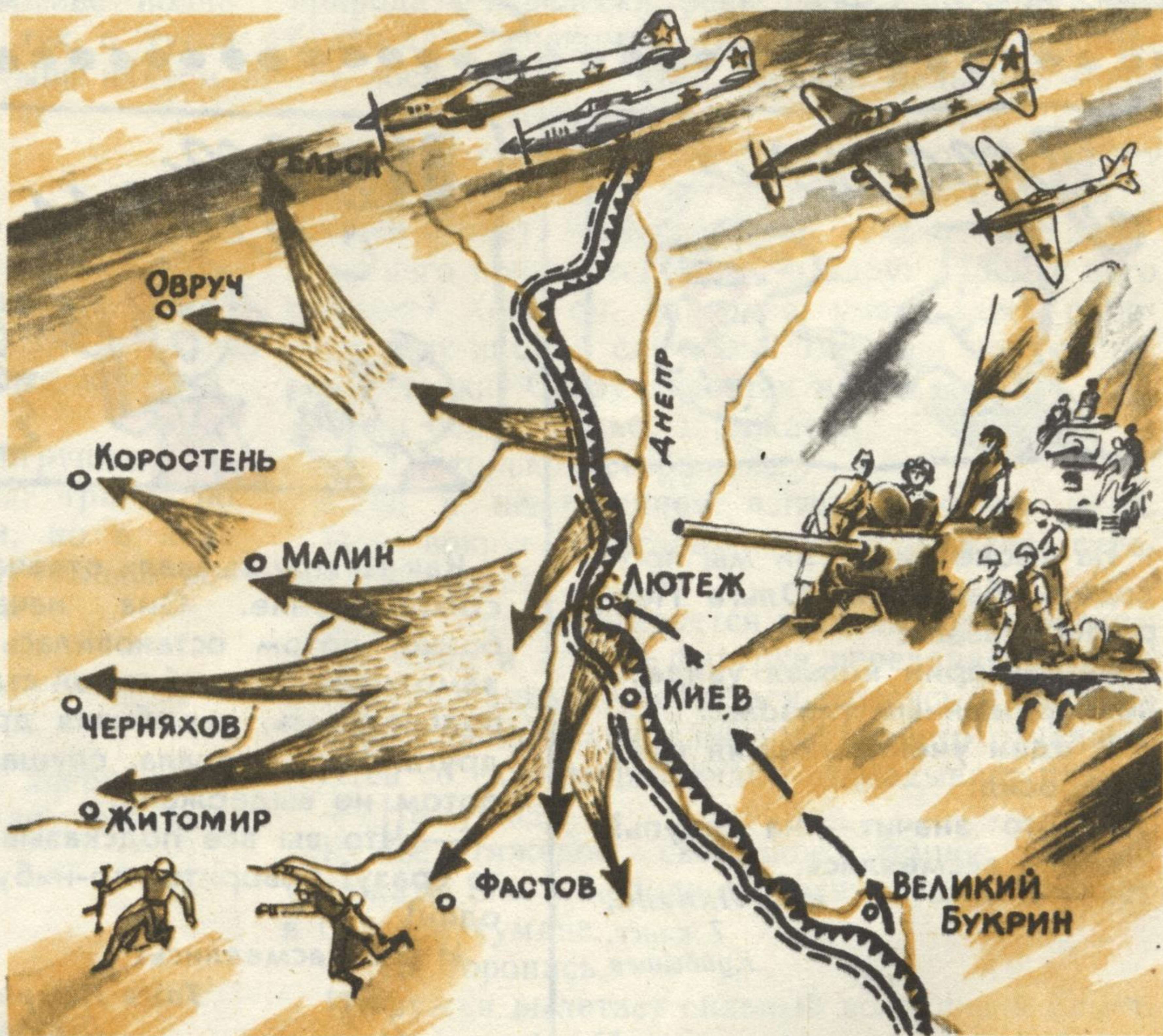


ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

6 ноября, в канун Великого Октября наши войска освободили столицу Украины Киев от фашистов. На нашем рисунке ты видишь, как проходила Киевская наступательная операция 1943 года. Войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н. Ф. Ватутина форсировали в конце сентября Днепр и захватили два плацдарма: один севернее города, в районе Лютежа, другой южнее, в районе Великого Букрина. Наступление с Букринского плацдарма успеха не имело — слишком малы были его размеры. А вот Лютежский плацдарм удалось расширить. Оттуда и было решено нанести главный удар. 3 ноября, после мощнейшей артподготовки, в которой участвовало более 2-х тысяч орудий и минометов и 500 «катюш», наши войска устремились на штурм города.

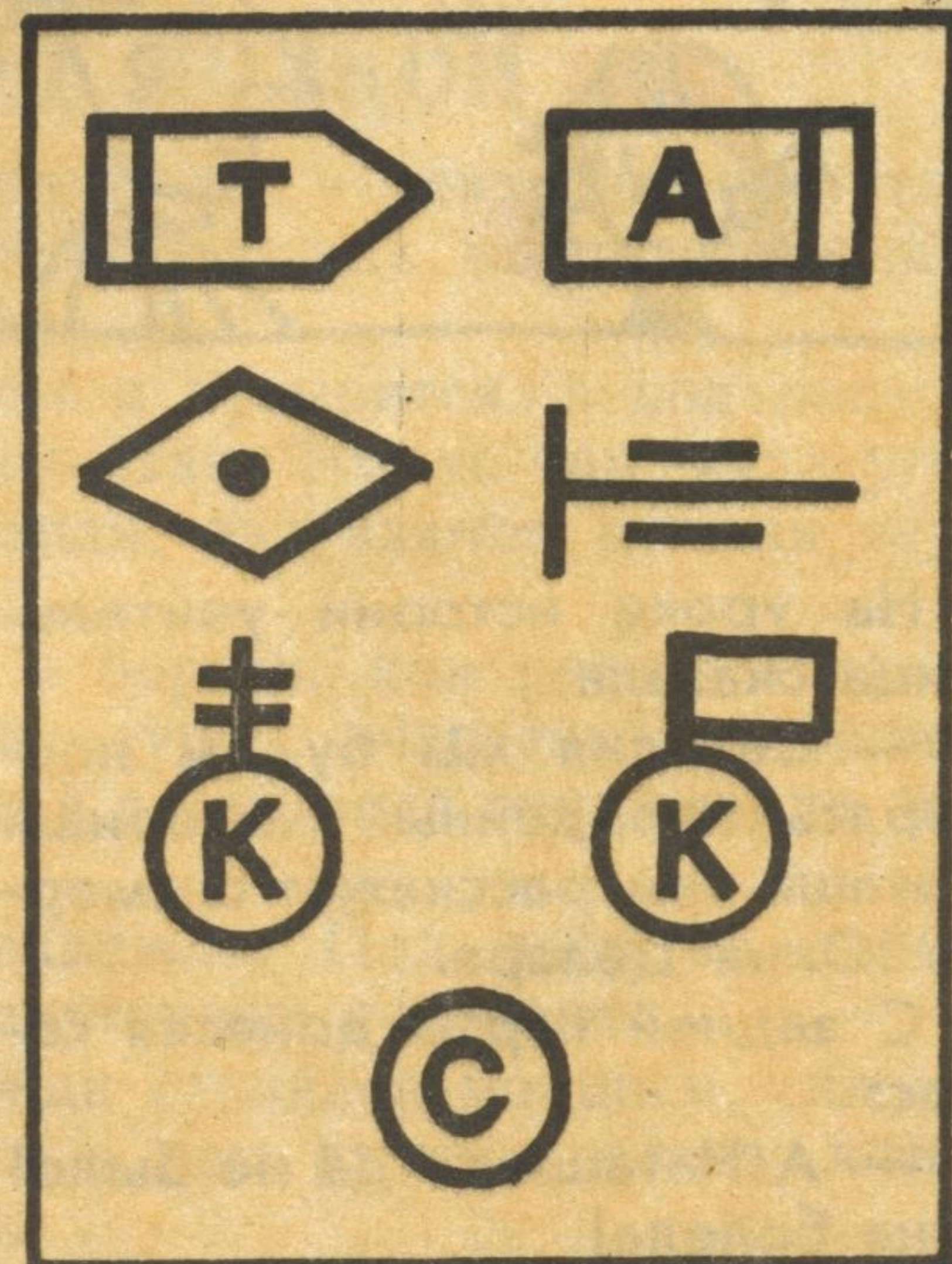


КОНКУРС РАЗВЕДЧИКОВ- ЮНАРМЕЙЦЕВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1. Умение выбрать надежную, скрытную точку для наблюдения — одно из важнейших качеств разведчика. Посмотри на рисунки, выполненные нашим художником. Кто из разведчиков ведет наблюдение правильно, а кто нет?

2. Юнармеец Вадим Платоненко из села Жуляны Киевской области прислал эти условные знаки.

Что они обозначают?

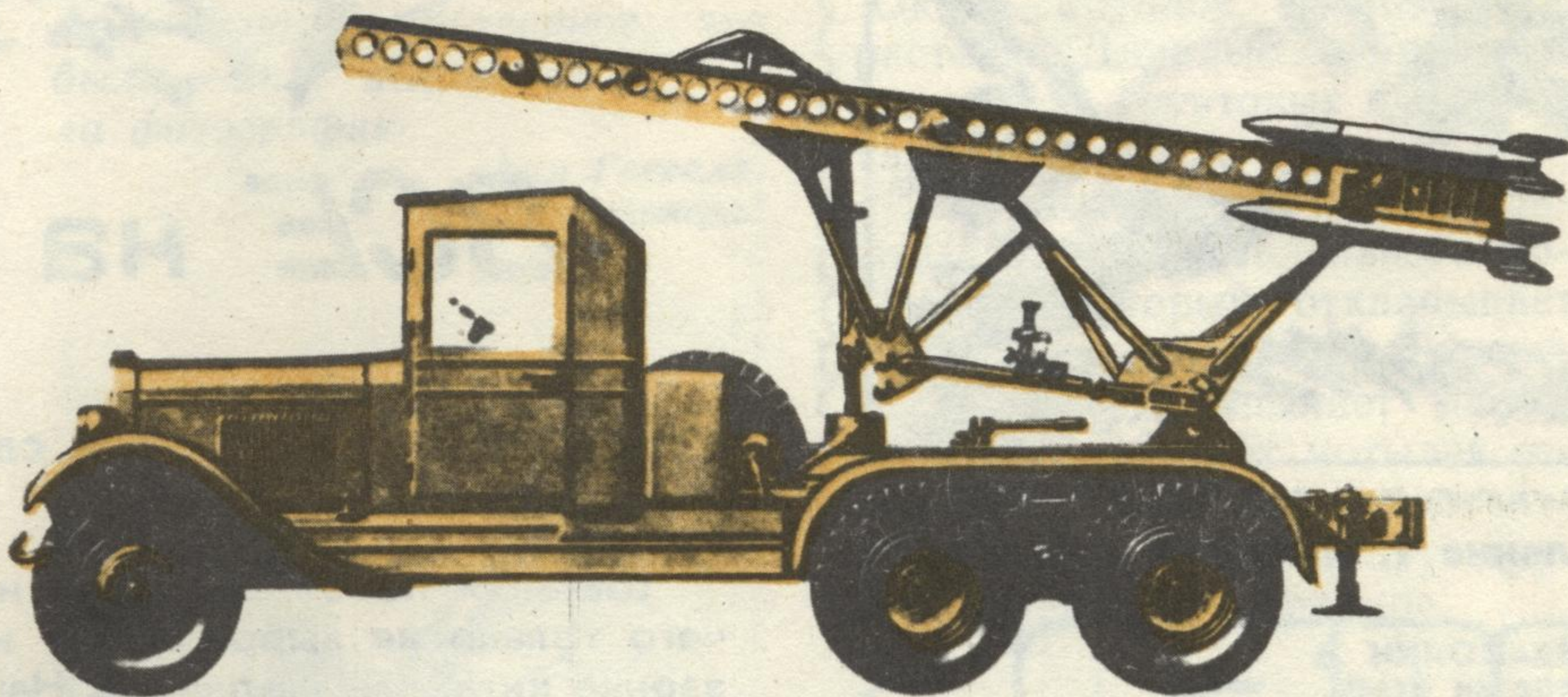


Для твоего
школьного музея
Боевой славы

Реактивные минометы БМ-13—такое было у них официальное название. Бойцы прозвали их «катюшами».

Впервые «катюши» ударили по врагу в трудные июльские дни 1941 года. Надо было во что бы то ни стало приостановить наступление фашистов, рвавшихся к Москве. Отдельная батарея гвардии капитана И. А. Флерова скрытно подвела «катюши» к исходному рубежу, обрушив на гитлеровцев боевые ракеты Красной Армии. Враг был ошеломлен, а наступление задержано.

„КАТЮШИ“



ОРДЕН ПОБЕДЫ

8 ноября исполняется 40 лет со дня учреждения ордена «Победы». Этот орден появился в те дни, когда отгремели грандиозные битвы под Сталинградом, на Курской дуге и на Днепре, когда началось массовое изгнание фашистов с нашей земли.



Орден «Победы» — это высший полководческий знак отличия. Им награждались высшие командиры за успешное осуществление крупных операций, в результате проведения которых изменялась стратегическая обстановка в пользу Красной Армии.

Первым кавалером ордена «Победы» был маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

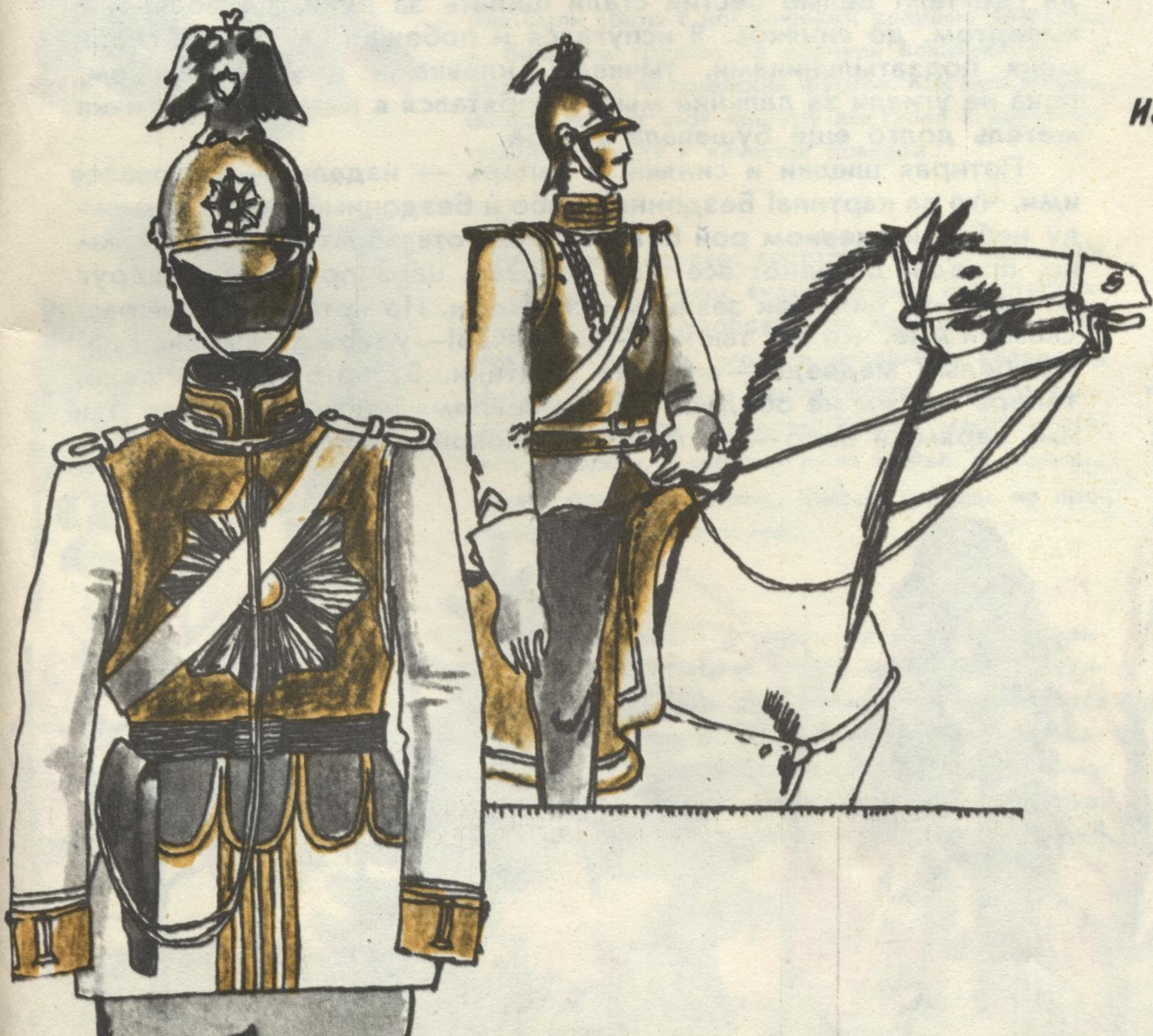
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ

КАВАЛЕРГАРДЫ

Само название этих войск указывает на их связь с кавалерией. В обязанности кавалергардов входила также охрана дворцов. Они также являлись почетной стражей во время коронаций и других торжеств. В 1724 году была сформирована группа кавалергардов из 71 человека.

До 1800 года кавалергарды состояли только из дворян. Полки кавалергардов участвовали в войне с Наполеоном.

Форма одежды кавалергардов (в особенности парадная) весьма своеобразна и живописна.





Оформление Т. Панкевич

НОЯБРЬ

Вот и ноябрь на дворе... Месяц зимних гостей, месяц раздетых лесов, месяц студеной воды. Скоро, скоро скуют морозы самые буйные реки. Лес и земля укроются снежным одеялом. Гуляет уже ледяной ветер в открытом поле. Забирается под тугое перо, проникает в густую шерсть, студит кровь. Но ноябрь — еще не зима. Недаром в народе зовут ноябрь полузимником, настоящую зиму в декабре жди...

* * *

Небо стало серым,
Птицы улетели,
Скоро прилетят к нам.
Вьюги и метели.

Дождь холодный льется,
Небо все грустнее...
Почему бы лету
Не бывать длиннее?..

Юля Бутримова,
3 класс,
Всеволожск



ВСЕ на ОДНОГО

Н. СЛАДКОВ

Шагал я по берегу моря и привычно смотрел под ноги — чего только не выбрасывают на берег волны! Посидел на позвонке кита, как на пеньке. Нашел «рыбий зуб» — клык моржа. Собрал пригоршни ажурных скелетов морских ежей. Так бы шел и шел, да вывел меня из подножного созерцания... подзатыльник!

Оказалось, что забрел я на гнездовье полярных крачек, птиц, росточком поменьше голубя и очень похожих на чаек. На вид совсем слабеньких и беззащитных. Но эти «слабенькие» — я знал давно — дважды в году перелетают из Арктики в Антарктиду! Даже для самолета, склепанного из металла, такой перелет не прост. А какие они «беззащитные», я узнал сейчас... Что тут после подзатыльника началось! Надо мной бушевала метель, трепетали тысячи белых крыльев, пронизанных солнцем, метались вихри из белых птиц. Уши заложило от тысячеголового вопля.

На земле под ногами везде были гнезда крачек. И я растерянно топтался между ними, боясь раздавить, а крачки свирепо роились, стрекотали и взвизгивали, готовясь к новому нападению. И напали! Подзатыльники посыпались, как град из тучи, — не укрыться, не увернуться. Верткие разозленные птицы кидались сверху и телом, лапками, клювом били в спину и голову. Шапка моя слетела. Я пригнулся, прикрывая затылок руками — да где там! Белые бестии стали щипать за руки, да больно, с вывертом, до синяков. Я испугался и побежал. А крачки гнали меня подзатыльниками, тычками, клевками и улюлюканьем, пока не угнали за дальний мыс. Я спрятался в плавнике, а птичья метель долго еще бушевала в небе.

Потирая шишки и синяки, я теперь — издали! — любовался ими. Что за картина! Бездонное небо и бездонный океан. А между небом и океаном рой белоснежных отважных птиц. Немножко, правда, досадно: все-таки человек, царь природы, и вдруг от каких-то пичужек заячьими скачками. Но потом рыбаки рассказали мне, что вот так же — по-заячьи! — удирает от крачек даже белый медведь — владыка Арктики. Вот это другое дело, теперь совсем не обидно! Обоим «царям» надавали по шее. Так им, царям, и надо — не мешайте спокойно жить!





Наша почта

Дорогие «Зеленые страницы»! Летом я жила в Белоруссии. Из окон нашего дома был виден Днепр. А перед домом стояло могучее дерево. На вершине его жила семья аистов. Каждый день я наблюдала за ними в бинокль. Вскоре в гнезде вылупились птенцы. Аисты-родители носили им корм. Я все ждала, когда же аистята вылетят из гнезда? Однажды утром увидела: молодые аисты сидят у гнезда на ветках и поглядывают по сторонам. Казалось, вот-вот взлетят. А еще через несколько дней аистов в гнезде не оказалось... За Днепром на стоге сена я увидела потом одного аиста, на дру-

гом — другого. Наверное, это были наши аисты. Я сделала фотографию.

Аня Гессель,
Ленинград

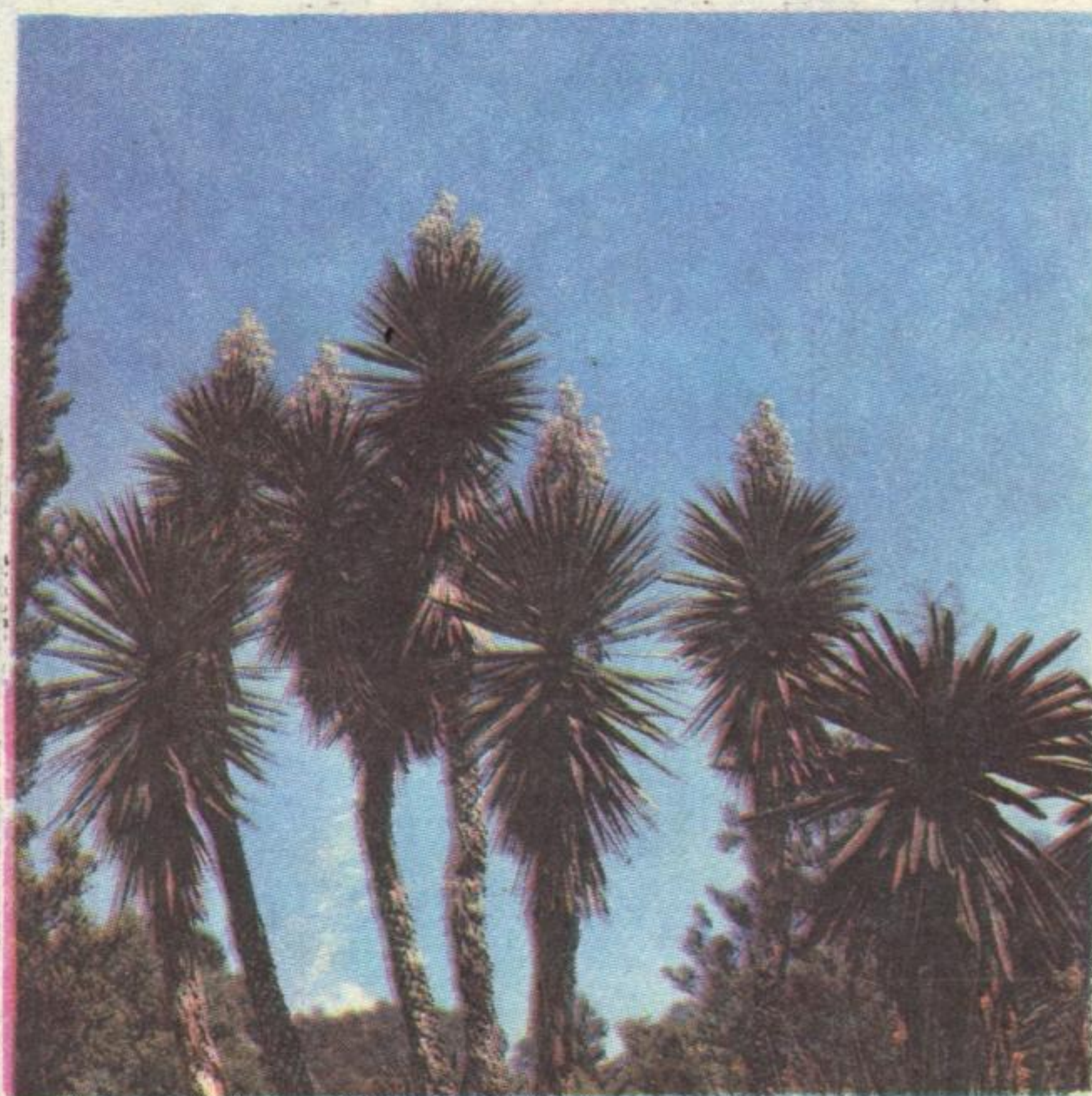


В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Это — юкка. Растет в пустынях и полупустынях Америки. Юкка — крупное вечнозеленое растение. Длинные корни, достигающие до грунтовых вод, спасают юкку от засухи.

Любопытно, что юкка целиком зависит от маленького мотылька, который откладывает яички в завязь цветка и, перенося пыльцу, опыляет растение. Там, где этот мотылек отсутствует, юкка не плодоносит. Так и живут, помогая друг другу, растение и насекомое.

Е. НИКОЛАЕВ
Фото автора



ГДЕ? ЧТО? КТО? ПОЧЕМУ?



Из Токийского цирка сбежал крупный кенгуру. Он мирно прогуливался по небольшой улочке, когда на него обратил внимание полицейский. Полицейский решил загнать кенгуру в кладовку при магазине, чтобы потом справиться по телефону: откуда сбежало животное? Но сделать этого не смог, так как получил сильный удар в челюсть. Прибежали еще три полицейских. Но и они были сбиты с ног точными ударами кенгуру... С большим трудом на драчуна накинули сеть и водворили в полицейский фургон. Как выяснилось, несколько лет этот кенгуру выступал в цирковых представлениях в качестве боксера...

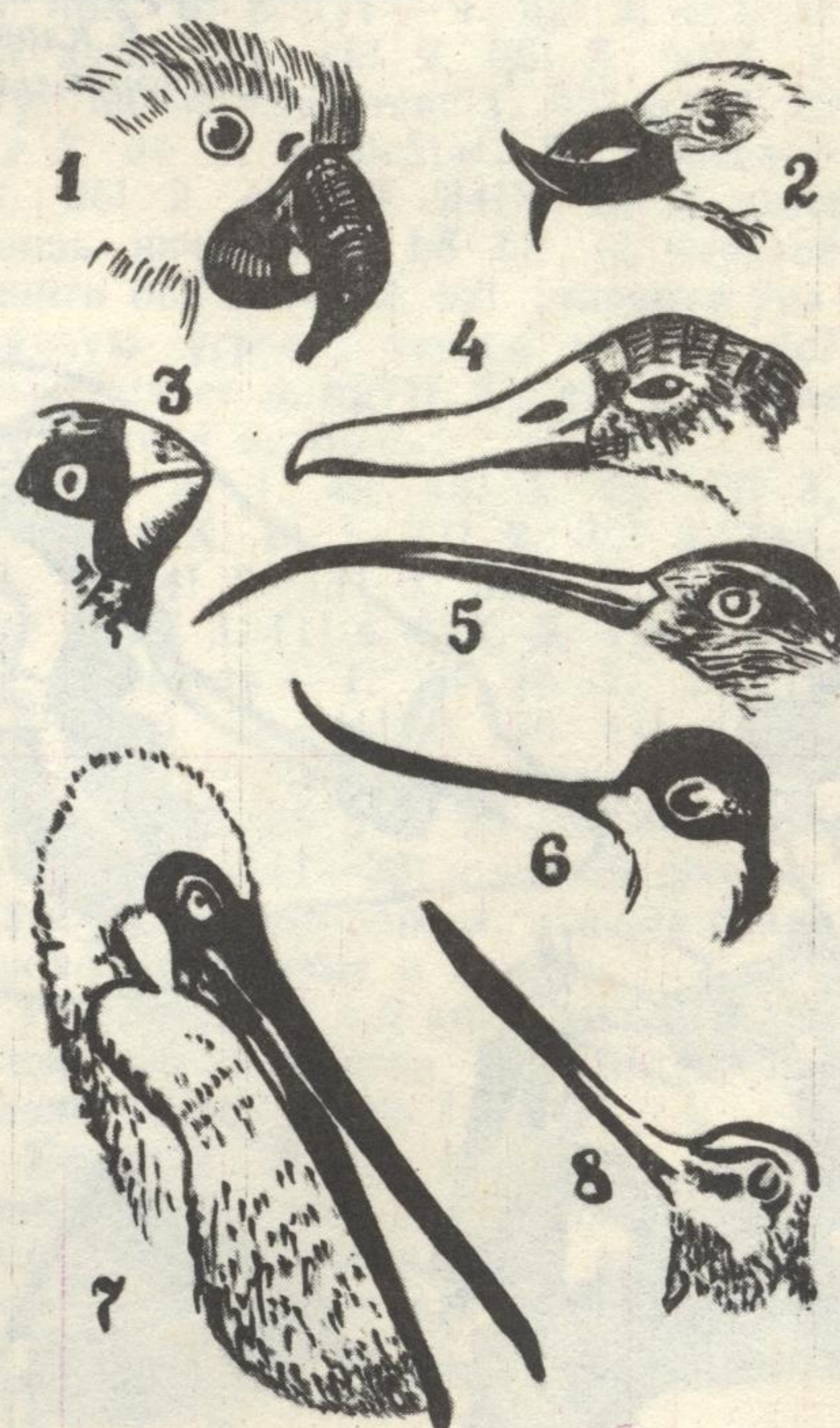
Необычный конкурс состоялся в Африке среди животных различных видов. Самым «непотопляемым» признан дикобраз: он вообще не может утонуть — полости его игл наполнены воздухом. Самым толстокожим после долгих споров объявили нильского бегемота. Второе место досталось носорогу, а слону — лишь третье. А самым... немым оказался жираф. Жираф никогда не произносит ни одного звука...

Почетное место в зоопарках западногерманских городов, говорят, скоро займет обыкновенный... майский жук. Для клетки, где собираются поселить майского жука, уже готова надпись: «Раньше был распространен повсеместно. В настоящее время встречается исключительно редко, так как очень чувствителен к загрязнению окружающей среды».



УГОЛОК ЗНАТOKOв

Чем питаются эти птицы?
Обрати внимание на их носы



СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

МНОГО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Много лет тому назад
За отрядом шел отряд,
И рабочий и матрос —
Каждый нам победу нес.

День 7 Ноября
Чтут поэтому не зря,
И его из года в год
Отмечает весь народ.

Гера Киселев,
6 класс,
школа № 50,
Липецк

ОКТЯБРЬ

Матросы в черных бушлатах
Шагают по мостовой.

Пулеметчик веселый
К щитку прислонился щекой.

Винтовки берут солдаты,
Маузеры, клинки.

Ведут на Зимний отряды
Красные большевики.

Алеша Вараксин,
5 класс,
Южноуральск

БАБУШКА

Бабушка хорошая, добрая у нас.
Летом жарким быстро приготовит квас,
А зимой в духовке испечет пирог,
Да такой, что просто вызовет восторг!

Бабушка умеет варежки вязать,
Сказок знает столько — не пересчитать.
Знаю, что заботливые бабушкины руки
Очень любят внуки,
Очень любят внуки!

Галя Стеценко,
4 класс,
школа № 17,
Уральск

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Осенний день. Туман, туман.
Вот уток быстрых караван
Несется в небе высоко,
Нам расставаться нелегко...
Осенний день. Прощальный миг.
Последний мой вдогонку крик.
Нам машут крыльями они
И вот — скрываются вдаль.
Туман, туман. Осенний день.
Осенний день — разлуки тень.

Володя Кузнецов,
5 класс,
Ярославль

Рисунок О. Гуриной



ТЫ ВСТУПИЛ В АРЧЕБЕК?

Если еще нет, то сейчас можешь исправить свое упущение: главнокомандующий славной Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток объявил новый набор.

Кого же принимает под знамена АРЧЕБЕКА знаменитый шахмат-адмирал Ферзьбери? Тех, кто умеет и любит играть либо в шахматы, либо в русские шашки, либо в шашки международные, и тех, кто пока играть не умеет, но хочет научиться. Возраст не ограничен!

Каждый вступивший получит возможность выполнить спортивный разряд и бороться за приз и диплом в Олимпийском турнире АРЧЕБЕКА. Поэтому, не теряя времени, сразу же пиши на имя Ферзьбери просьбу о приеме. Если ты умеешь играть, тебя зачислят разведчиком, а если ты новичок — в Отряд резерва.

Специального ответа не жди: приняты будут все!

КОМУ ДОСТАЛСЯ „МАЙСКИЙ ПРИЗ“?

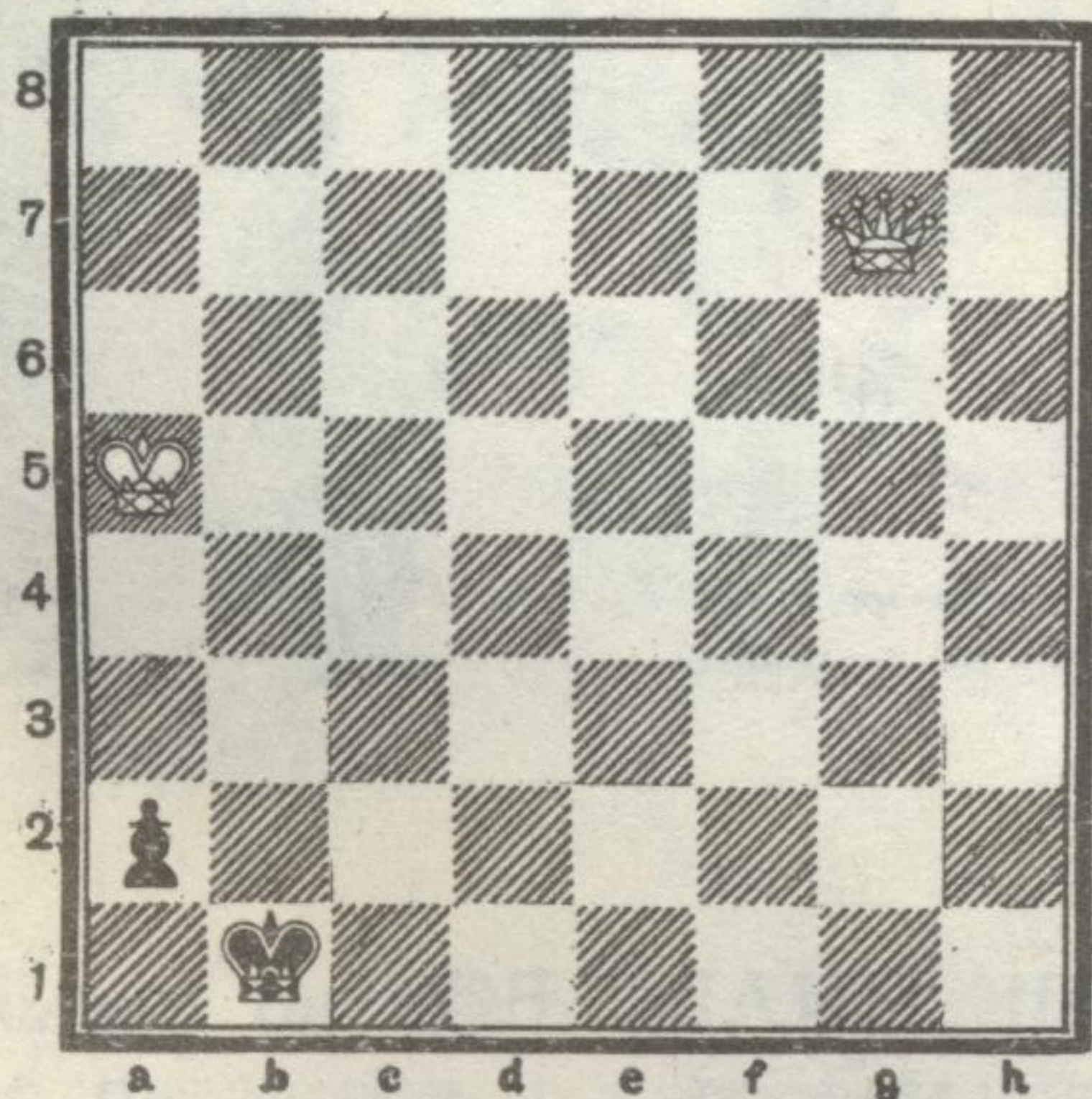
Вот решения пяти «малюток» Аве-нира Шапошникова.

№ 1. Мат дается в два хода — 1. с8Л! № 2. В два хода — 1. Фа2! № 3. В 2 хода — 1. 0—0! № 4. В 2 хода — 1. Фс1! № 5. В 2 хода — 1. Фg7!

В этом конкурсе награждаются за задачу № 1 — Ф. Хамидуллин (ст. Каратун); за № 2 — О. Гортинская (Шахты); за № 3 — С. Зыкова (Комсомольск-на-Амуре); за № 4 — О. Титов (п. Углегорский); за № 5 — С. Товстий (с. Лески); за решение всех пяти задач — С. Цуцеров (п. Стрелка).

Всем остальным участникам этого конкурса шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность!

ИЗ КЛАДОВОЙ ТЕОРИИ



Взгляните на диаграмму: окончание, где ферзь борется против пешки на седьмой линии. Обычно, когда пешка ладейная — ничья. Но здесь белый король находится в «выигрышной зоне», и получается вот что: 1. Фg1+Крb2 2. Фf2+Крb1 3. Кра4! а1Ф+ 4. Крb3! и черным нужно сдать-ся.

Какие же еще поля входят в «выигрышную зону»? Произведи разведку! Трех будут ждать награды.



СТОЛ НАХОДОК

Сюда были доставлены такие позиции:

А. (Ю. Сарбийк, Мурино). Белые: Д. d8, f8, пр. с5, f6, h6; черные: пр. а3, а5, b2, d2, f2, h2.

Б. (В. Левицкий, Донецк). Белые: а1, b6, с3, с5, d4, d6, е3, g1, h6; черные: а7, b2, b8, f2, f6, f8, g7, h2, h8.

В. (В. Степанов, Абаза). Белые: 19, 21, 27, 30, 37, 39, 49; черные: 8, 9, 11, 18, 25, 28, 38.

Г. (В. Степанов). Белые: 10, 13, 37, 43, 45, 50; черные: 7, 21, 24, 28, 34, 39, 40.

Когда авторы узнали, что их произведения попали к отважным разведчикам АРЧЕБЕКА, они заявили, что позиции можно им не возвращать, а только прислать ответы на вопросы. Как в А и Б можно не пропустить ни одну из черных шашек в дамки и выиграть? Как в В и Г одержать за белых победу?

Кто из вас, доблестные архебековцы, сумеет достойно ответить? Трех будут ждать награды!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Фb8! Б. 1. Фа7! Кре8 (или Кpg8) 2. Cd6; если же 1... Кр:f6, то 2. Cf4. В. 1. Крс7 Кра5 2. Cf6! Кра6 3. Cd8! Г. Выигрыш — 1. Cd7! Кре3 2. h4 Кре4 (Крf4 3. Крд4) 3. h5 Кре5 4. h6 Крf6

5. Се8, и пешка неуязвима. Д. Выигрыш — 1. а6 Cd5 2. Кpg3 е5 3. Сс8! Сс4 4. а7 Cd5 5. Ch3! Кре7 6. Сg2 е4 7. Крf4 е3 8. Cf3! и т. д. Е. Белым не выиграть: если 1. h6 Крb1 2. Крb3, то Кра1! 3. Крс4 Крb2 и т. д. — ничья. Но плохо 2... Крс1? из-за 3. Крс3! и тогда в последующей «гонке королей» черный своей цели (запереть белого на h8) не достигнет.

РШ. А. Тут победа — 1. с7! 2. b6! 3. h6X. Б. И тут — 1. b2! 2. е3X. В. И здесь — 1. с5! 2. b6! 3. b2!X. Г. Тут белые спасутся: 1. b2! g3 2. с3 f2 3. d4 е1 4. dc5! =. Д. Победа — 1. d6! 2. cb4! 3. d4!X. Е. А здесь лишь ничья — 1. h8 b8 (с угрозой пойти dc7 и b6) 2. b2! (парируя указанную угрозу: теперь на 2... dc7 выигрывает 3. hg7!) 2... е7! и шашке h6 дамкой не быть.

МШ. А. 1. 49—43! 2. 48—42! 3. 41 4. 44X. Б. 1. 37! 2. 30! 3. 44X. В. 1. 44! 2. 11! 3. 34X. Г. 1. 43—38! 2. 21! 3. 11! 4. 32X. Д. Тут белым не выиграть — 1. 14 46 2. 24—19 (лучшее) 36—41! 3. 36 41! 4. 47 20! =. Е. Выиграть можно так — 1. 30 46 2. 25 5 3. 25—20 46 4. 15 5 5. 49 28 6. 47—38! и черные должны уйти с большой дороги, а тогда белые проводят простые в дамки.

Резерву. Мат в 2 хода дается и при слоне на b4 (тогда 1. е8Л!) и при слоне на d6 (тогда 1. е8С!).

Находка Жени Маслова (Чапаевск). В «Костре» № 7 в этюде Б (автор — Н. Григорьев, один из лучших композиторов мира) Женя вместо 4... h1Ф играет 4... b3! и выигрывает за черных. Отлично, Женя!



Приближается Новый год. Не забудь про милый новогодний обычай готовить друг другу подарки. Пусть они будут маленькие, но не стандартные.

Деда-мороза делай из круглой коробки, он может служить упаковкой для подарка или стоять под елкой. Голова и руки у него из картона, опушка шубы, шапки и борода из ваты. Для школы или детского садика склей большого деда-мороза, его туловище — цилиндр из плотной бумаги.

Коврик — из полотна. Аппликацию из цветных лоскутов пришей на машинке швом «зигзаг» или приклей клеем из муки или крахмала. Коврик не только украшение, в нашитые карманы можно положить разные предметы.

Если ты умеешь рисовать, распиши кухонную доску темперой или гуашью с добавлением синтетического клея, а потом покрой лаком. Птицы сделаны из цветной бумаги. Круглое туловище одной из них — яичная скорлупа. Рыба — из бумаги и ракушек. Птиц и рыбу можно повесить под люстру или абжур.

А теперь займемся комнатой. Ее украсят флажки, гирлянды, елочная мишура и канитель, звезды и сосульки из фольги, воздушные шары и серпантин. На окна можно наклеить мучным клейстером фантастические цветы и листья, нарисовать белой гуашью снежинки, повесить бумажные фонарики.

Рисунки Т. Петуховой

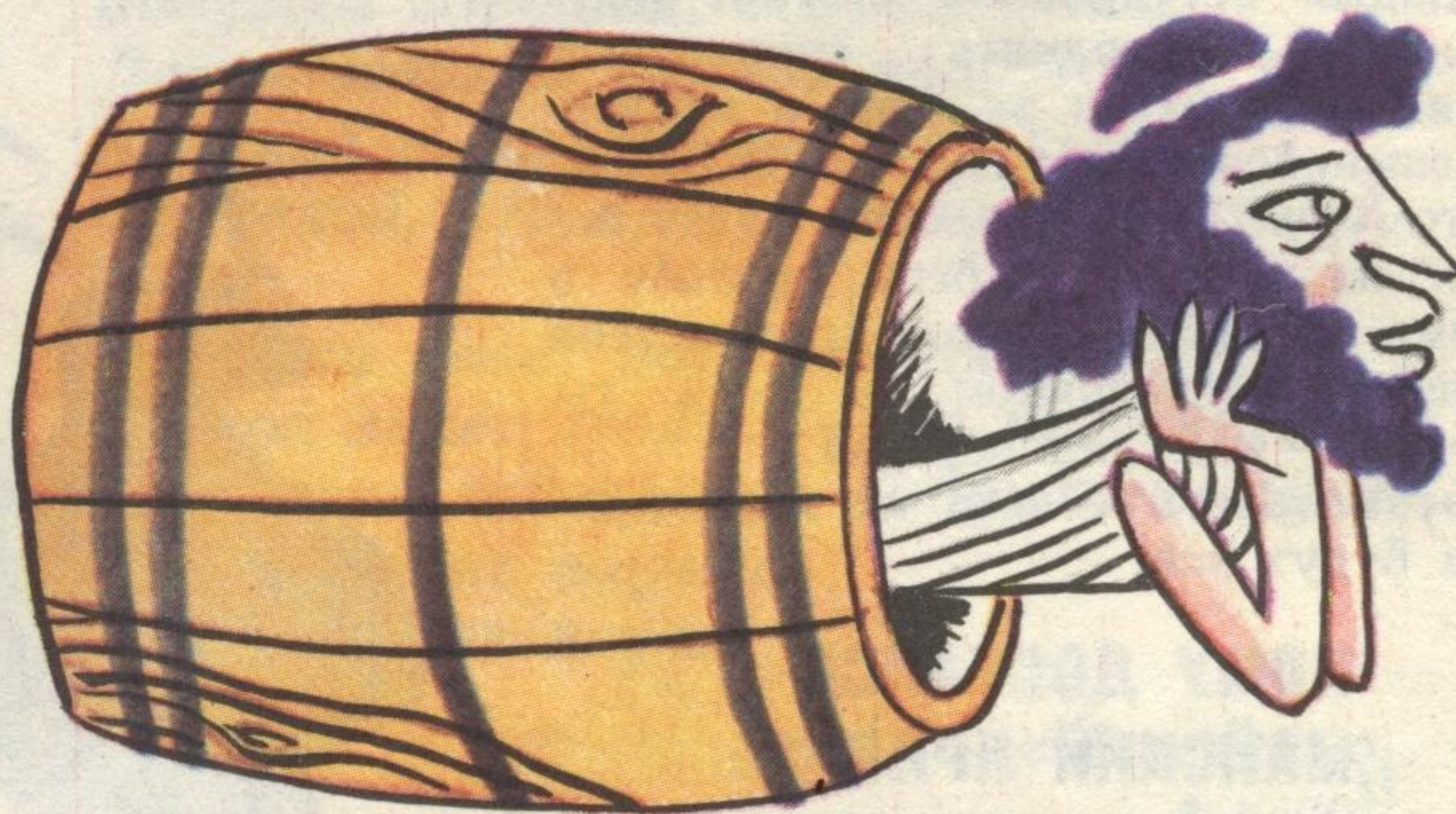


Рисунки
Ю. Беломлинской

ПО ПРЕДАНИЮ, греческий философ Диоген жил в бочке. Однажды Диогена спросили:

— А что ты будешь делать, если твоя бочка сломается?

— Меня это не тревожит, — ответил мудрец. — У меня есть другое место — в истории.



В 1743 ГОДУ Михайло Ломоносов, после очередной схватки со своими противниками, академиками-немцами, был посажен начальством под домашний арест. Комната, в которой он сидел, была плохая, шла зима, стужа в помещении была лютой. Но ученый работал.

Выйдя из-под ареста, он представил Академии свой новый труд — „О тепле и стуже“.



ДАТСКИЙ ФИЗИК НИЛЬС БОР во время войны отказался сотрудничать с немцами, которые оккупировали и его родину. Учитывая особое значение ученого, союзники прислали самолет, который тайком вывез Бора в Англию.

Пилоту было сказано, что он везет „сверхважный груз“. Каково же было изумление Бора, когда пилот, приземлившись, показал ему, смеясь, типовую „инструкцию о доставке сверхважных грузов“. В ней, в частности, говорилось: „При попытке противника захватить самолет, груз должен быть сброшен в море“.



На картинке нарисовано 16 домиков, найдите одинаковые среди них.

Если вы хорошо помните
повести и рассказы
А. Гайдара,
вам совсем не трудно будет разгадать
этот кроссворд.

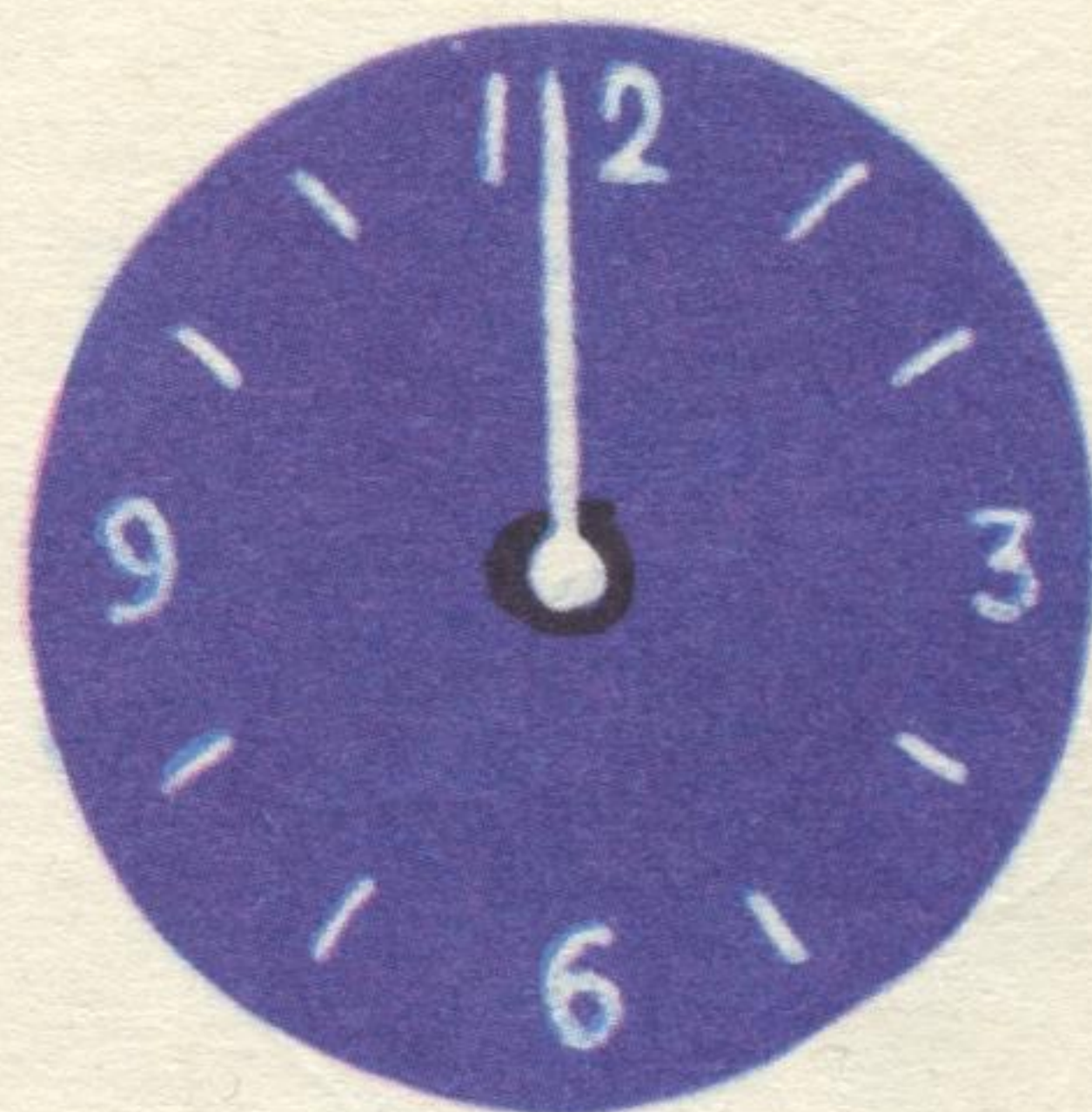


1. Имя героя повести «Судьба барабанщика».
2. Название города, в котором Гайдар провел детство.
3. Название одного из рассказов писателя.

4. Фамилия летчика из рассказа «Дым в лесу».
5. Прозвище одного из персонажей рассказа «Р. В. С.».
6. Фамилия главного героя повести «Школа».



На рисунке часы показывают 12. В это время часовая стрелка встречается с минутной. Стрелки встречаются не только в 12 часов, но и в другое время. В какой половине циферблата — в верхней или в нижней — стрелки встретятся большее число раз?



ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 10:

Спутник планеты
ЛУНА — Чуна — Лена — лупа — лунь.

Прогноз погоды
Нельзя, т. к. и через 72 часа, т. е. через трое суток, будет опять 12 часов ночи, а солнце ночью не светит.

Спрятанные слова
1. Мы. 2. Те. 3. Сам. 4. Тот. 5. Она. 6. Теми. 7. Мною. 8. Себе. 9. Никто. 10. Всеми. 11. Некому. Сверху вниз — местоимение.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-35760. Сдано в набор 05.08.83. Подписано к печати 17.10.83. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,9. Печать офсетная. Тираж 773 000 экз. Заказ 1168. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

НА ВЫСТАВКЕ
„КОСТРА“



**МИХАИЛ
БЫЧКОВ**

Родился в 1951 г. в Ленинграде. В 1975 г. окончил факультет книжной графики Полиграфического института. Работает в книге с 1970 г. С 1973 по 1980 год работал художественным редактором издательства «Художник РСФСР». С 1982 г. член Союза художников СССР. Участник ленинградских, республиканских, всесоюзных и международных выставок.



Иллюстрации к повестям В. Воскобойникова
«Остров Безветрия» и «Девочка, мальчик и собака».